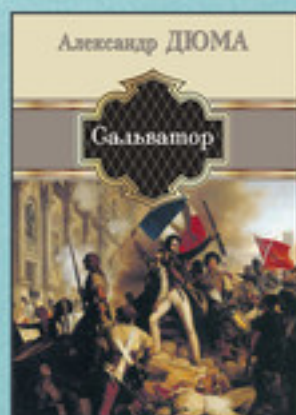

Александр Дюма

Сальватор. Книга II

*Часть сборника
Сальватор*

Александр Дюма
Сальватор. Книга II

Издательство «РИМИС»

1863

Дюма А.

Сальватор. Книга II / А. Дюма — Издательство «РИМИС», 1863

Внимание читателя, возможно, уже знакомого с героями и событиями романа «Могикане Парижа», предлагается продолжение – роман «Сальватор». В этой книге Дюма ярко и мастерски, в жанре «физиологического очерка», рисует портрет политической жизни Франции 1827 года. Король бессилён и равнодушен. Министры цепляются за власть. Полиция повсюду засылает своих провокаторов, затевает уголовные процессы против политических противников режима. Все эти события происходили на глазах Дюма в 1827—1830 годах. Впоследствии в своих «Мемуарах» он писал: «Я видел тех, которые совершали революцию 1830 года, и они видели меня в своих рядах... Люди, совершившие революцию 1830 года, олицетворяли собой пылкую юность героического пролетариата; они не только разжигали пожар, но и тушили пламя своей кровью».

© Дюма А., 1863

© Издательство «РИМИС», 1863

Содержание

Глава XXXIII	6
Глава XXXIV	16
Глава XXXV	22
Глава XXXVI	35
Глава XXXVII	38
Глава XXXVIII	41
Глава XXXIX	44
Глава XL	48
Глава XLI	52
Глава XLII	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Дюма Сальватор. Книга II

Глава XXXIII

Утро комиссионера

Через день, в семь часов утра Сальватор постучал в дверь дома Петрюса.

Молодой художник еще спал, видя сладкие сны, которые вились над его изголовьем. Вскочив с кровати, он открыл дверь и встретил Сальватора с распростертыми объятиями и полужакрытыми глазами.

– Что нового? – спросил Петрюс с улыбкой на губах. – Вы хотите мне что-нибудь рассказать или снова оказать мне какую-нибудь услугу?

– Вовсе нет, дорогой мой Петрюс, – ответил Сальватор. – Я, напротив, пришел просить вас об одной услуге.

– Говорите же, друг мой, – произнес Петрюс, подавая ему руку. – Я желаю только одного: чтобы она была как можно большей. Вы ведь знаете, что я только и жду случая броситься за вас в огонь.

– Я в этом никогда и не сомневался, Петрюс... Дело вот в чем: у меня был паспорт, и я отдал его месяц тому назад Доминику, который отправлялся в Италию и опасался, что его арестуют, если он будет путешествовать под своим настоящим именем. Сегодня по причине, о которой я расскажу вам чуть позже, Францию покидает Жюстен...

– Он уезжает?

– Сегодня ночью или завтра ночью.

– Надеюсь, с ним не случилось ничего страшного? – спросил Петрюс.

– Что вы, напротив! Но все дело в том, что он должен уехать так, чтобы никто об этом не знал. А для этого ему, как и Доминику, необходимо уехать под чужим именем. Между ним и вами всего два года разницы, все приметы совпадают... Есть ли у вас паспорт и можете ли вы дать его Жюстену?

– Я в отчаянии, дорогой Сальватор, – ответил Петрюс. – Но вы ведь сами знаете, какая деликатная причина заставила меня задержаться в Париже на целых полгода. У меня есть старый паспорт до Рима, но он уже год как просрочен.

– Черт побери! – произнес Сальватор. – Вот это неприятность! Жюстен не может идти за паспортом в полицию: это привлекло бы к нему внимание... Пойду к Жану Роберу. Но Жан Робер на целую голову выше Жюстена!

– Постойте-ка...

– А! Вы чем-то хотите меня порадовать?

– Скажите, а Жюстену не все ли равно, в какую страну отправляться?

– Решительно все равно. Ему надо только выбраться из Франции.

– Ну, тогда я смогу ему помочь.

– Каким же образом?

– Я дам вам паспорт Людовика.

– Паспорт Людовика? А как он у вас оказался?

– Очень просто: он недавно ездил в Голландию и вернулся только позавчера. Я давал ему свой чемодан. Он вернул его мне, но оставил в его кармашке свой паспорт.

– Ладно! Но если Людовику вдруг захочется вернуться в Голландию?..

– Это маловероятно. Но в этом случае он сможет заявить, что потерял паспорт, и попросит новый.

– Отлично.

Петрюс открыл свой баул и вынул из него бумагу.

– Вот паспорт, – сказал он. – И пожелайте другу Жюстену счастливого пути!

– Благодарю вас от его имени.

Молодые люди, пожав друг другу руки, расстались.

Пройдя Восточную улицу, Сальватор проследовал по аллее Обсерватории, свернул на улицу Ада со стороны заставы и достиг приюта подкидышей. В течение секунды он поискал взглядом нужный дом и, казалось, нашел его: это был дом каретника.

Хозяин дома стоял перед дверью. Сальватор ударил его по плечу.

Каретник обернулся, узнал молодого человека и поприветствовал его одновременно дружески и уважительно.

– Мне надо с вами поговорить, мастер, – сказал Сальватор.

– Со мной?

– Да.

– Я к вашим услугам, мсье Сальватор! Не желаете ли войти в дом?

Сальватор кивнул, и они вошли.

Пройдя через лавку, Сальватор вышел во двор и увидел в глубине его под огромным навесом дорожную коляску. Очевидно, он знал, что она должна была оказаться здесь, потому что направился прямо к ней.

– А вот и то, что мне нужно, – сказал он.

– А! Хорошая коляска, мсье Сальватор! Отличная колясочка! И я уступлю ее вам по дешевке: вам просто повезло!

– Достаточно ли она крепка?

– Мсье Сальватор, я за нее ручаюсь. Можете объехать на ней земной шар и вернуть ее мне: я куплю ее у вас со скидкой в двести франков.

Не обращая внимания на слова каретника, который, как и всякий продавец, просто обязан был расхваливать свой товар, Сальватор, взяв коляску за дышло, выкатил ее, словно это была детская коляска, на середину двора и принялся внимательно осматривать с видом человека, прекрасно разбирающегося в каретном деле.

Он нашел, что она вполне подходит, несмотря на некоторые недостатки, о которых тут же заявил каретнику. Тот пообещал устранить их к вечеру того же дня. Каретник не обманул: коляска была и впрямь удобной и, что было особенно ценно, очень крепкой.

Сальватор немедленно договорился о цене: сошлись на шестистах франков. Они договорились, что в половине седьмого вечера коляска, запряженная двумя добрыми почтовыми лошадьми, будет стоять на внешнем бульваре между заставой Крульбарб и Итальянской заставой.

Что же касается оплаты, то тут трудностей не возникло: Сальватор, желавший платить за все только тогда, когда его приказы исполнялись в точности и, вероятно, имевший какие-то дела на завтра, назначил каретнику встречу на утро через день. Каретник, знавший, что Сальватор человек правильный, как говорят на торговом жаргоне, с легкостью согласился подождать деньги сорок восемь часов.

Сальватор расстался с каретником, спустился по улице Ада, прошел по улице Бурб (сегодня она называется улица Королевских Ворот) и достиг порога некой маленькой двери напротив Материнского приюта.

Именно там жил столяр Жан Торо со своей любовницей мадемуазель Фифиной. Любовницей в полном смысле этого слова.

Сальватору не надо было спрашивать у консьержа, дома ли плотник, поскольку, едва ступив на первую ступеньку лестницы, услышал рев, ибо крестный отец, давший Бартеlemi Лелону имя Жан Торо, избрал это имя, точно ему подходившее.

Крики мадемуазель Фифины, добавлявшие в этот речитатив пронзительные нотки, доказывали, что Жан Торо исполнял не сольную арию, а часть дуэта. Волны этого шумного концерта, вырываясь из двери, указывали Сальватору, куда ему следовало идти.

Поднявшись на пятый этаж, Сальватор как бы попал под лавину криков. Он вошел не постучавшись, поскольку дверь была приоткрыта. Это было одной из предосторожностей мадемуазель Фифины, всегда оставлявшей себе путь отступления на случай гнева разъяренного гиганта.

Перенеся ногу за порог, Сальватор увидел, что противники стоят лицом к лицу: мадемуазель Фифина с растрепанными волосами и бледная как смерть грозила кулаком Жану Торо, красному как мак и рвущему на себе волосы.

– А! Несчастный! – вопила мадемуазель Фифина. – Ах, глупец! Ах, придурок! Ты думал, что эта малышка твоя?

– Фифина! – рявкнул Жан Торо. – Предупреждаю тебя, что я тебе сейчас врежу!

– Так вот знай: она не от тебя, а от него!

– Фифина, ты что же, хочешь, чтобы я засунул вас обоих в ступку и растер в порошок?

– Ты? – сказала угрожающе Фифина. – Ты, ты, ты?..

И, произнося это *ты*, она делала шаг вперед. А Жан Торо одновременно отступал на шаг.

– Ты? – произнесла она еще раз, хватая его за бороду и тряся, словно ребенок грушу, надеясь стряхнуть плоды. – Попробуй-ка только тронь меня, мерзавец! Только прикоснись ко мне, негодяй! *Бездельник!*

Жан Торо поднял руку... Если бы этот кулак, удар которого мог завалить быка, опустился, словно молот на скотобойне, на голову мадемуазель Фифины, голова ее разлетелась бы по комнате. Но кулак застыл в воздухе.

– Ну, что у вас опять случилось? – спросил Сальватор довольно грубым голосом.

При звуке этого голоса Жан Торо побледнел, а мадемуазель Фифина, покраснев, отпустила бороду плотника и повернулась к Сальватору:

– Что случилось? – сказала она. – Ах, мсье Сальватор, вы вовремя пришли мне на помощь!.. Что случилось? Случилось то, что это чудовище в человеческом облике, как обычно, колотит меня.

Жан Торо и сам уже поверил в то, что он колотил мадемуазель Фифину.

– Но, мсье Сальватор, меня тоже можно понять: она меня так ругает!

– Ничего! Чем больше ты страдаешь в этой жизни, тем меньше будешь страдать в следующей.

– Мсье Сальватор, – воскликнул Жан Торо со слезами в голосе, – но ведь она говорит, что мой ребенок, моя бедная девочка, так на меня похожая, не моя дочь!

– Но если она так на тебя похожа, – заметил Сальватор, – почему же ты ей веришь?

– Да я ей и не верю, честное слово! Ведь если бы я ей верил, я взял бы ребенка за ноги и разбил бы ей голову о стену!

– Сделай это, злодей! Сделай! И я с удовольствием увижу, как ты взойдешь на эшафот!

– Слышите, мсье Сальватор?.. Это для нее будет удовольствием.

– Слышу.

– Ладно, я пойду на эшафот, – завопил Бартелеми Лелон, – я взойду на него. Но лишь за то, что хорошенько всыплю мсье Фафиу. Когда я думаю, мсье Сальватор, что она выйдет за человека, к которому я не смею прикоснуться из опасения, что сломаю его, как щепку, а поскольку мне стыдно бить его кулаком, я буду вынужден пырнуть его ножом.

– Вы слышите, что говорит этот убийца?

Сальватор это слышал. И бесполезно говорить, что он должным образом оценил всю серьезность угроз Жана Торо.

– Неужели я не могу хоть раз к вам зайти без того, чтобы не найти вас в состоянии драки или ссоры? Вы плохо кончите, мадемуазель Фифина, это я вам говорю. В один прекрасный день вы нарветесь на кого-нибудь, кто будет таким быстрым, что у вас не останется времени на раскаяние.

– Во всяком случае, это будет не он, – завопила мадемуазель Фифина, скрипя зубами и поднеся кулак к носу Бартелеми.

– Почему же не он? – спросил Сальватор.

– Потому что я твердо намерена бросить его, – ответила мадемуазель Фифина.

Жан Торо взвился, словно дотронувшись до вольтовой батареи.

– Ты хочешь меня бросить? – заорал он. – Бросить меня после такой жизни, которую ты мне устроила, тысяча чертей!.. О! Нет. Ты меня не бросишь, клянусь! Или я задушю тебя в том месте, где только поймаю!

– Вы слышите его, мсье Сальватор? Слышите? Если я подам на него в суд, надеюсь, вы будете моим свидетелем.

– Замолчите, Бартелеми, – нежно произнес Сальватор. – Фифина это только говорит, но в глубине души она вас очень любит.

Затем, сурово взглянув на молодую женщину взглядом, которым смотрят на гадюку змееловы сказал:

– По крайней мере она должна бы вас любить. Разве не вы, что бы она ни говорила, отец ее ребенка?

Девушка под взглядом Сальватора смущенно поникла головой, почувствовав угрозу, и произнесла нежным голосом с невинностью девственницы:

– Действительно, в глубине души я его люблю, хотя он меня и лупцует почему зря... Но как же я могу быть нежной, мсье Сальватор, по отношению к человеку, который показывает мне или кулаки или зубы?

Жан Торо был глубоко тронут этим признанием своей любовницы.

– Ты права, Фифина, – сказал он со слезами на глазах. – Ты права: я животное, дикарь, турок. Но это сильнее меня, Фифина, что поделаться!.. Когда ты говоришь мне об этом бандите Фафиу, когда грозисься отнять у меня мою дочку и уйти от меня, я помню только об одном: я должен махать кулаком в пятьдесят фунтов. Тогда я поднимаю руку и говорю: «Кто хочет попробовать? Ну, подходи!..» Но я прошу тебя простить меня, моя маленькая Фифина! Ты же знаешь, что я такой, потому что я тебя обожаю!.. Да к тому же, что значат в конечном счете два-три лишних удара в жизни женщины?

Не знаем, нашла ли мадемуазель Фифина этот довод логичным, но она отреагировала так, как смогла: она царственным жестом медленно протянула руку Бартелеми Лелону, который так поспешно поднес ее к губам, что создавалось впечатление, что он хочет ее съесть.

– Так-то лучше! – произнес Сальватор. – Теперь, когда мир восстановлен, поговорим о других вещах.

– Да, – сказала мадемуазель Фифина, чья наигранная ярость уже полностью прошла, в то время когда волнение Жана Торо еще клокотало в его груди. – А пока я пойду схожу за молоком.

И мадемуазель Фифина сняла висевшую на стене молочную флягу. И, снова обращаясь к юноше, спросила нежным голосочком:

– Вы выпьете с нами кофейку, мсье Сальватор?

– Спасибо, мадемуазель, – ответил Сальватор. – Я кофе уже пил.

Мадемуазель Фифина сделала рукой жест, который должен был означать: «Какая жалость!», а потом начала спускаться по лестнице, напевая арию из какого-то водевиля.

– В душе она замечательная девочка, мсье Сальватор, – сказал Жан Торо, – и я очень сержусь на себя за то, что делаю ее такой несчастной! Но что поделаться! Человек или ревнив или же не ревнив. Я-то ревнив, словно тигр, но в этом нет моей вины!

И гигант тяжело вздохнул. Во вздохе его слышался упрек в свой адрес и нежность по отношению к мадемуазель Фифине.

Сальватор глядел на него с восхищением и состраданием.

– А теперь поговорим, Бартелеми Лелон! – сказал он.

– О! Я вас внимательнейшим образом слушаю, мсье Сальватор! Я – ваш и душой и телом, – ответил плотник.

– Я знаю это, мой хороший. И если бы вы перенесли на ваших приятелей хотя бы часть той дружбы и благодушия, которые вы питаете по отношению ко мне, мне не стало бы от этого хуже, но зато другие от этого только выиграли бы.

– Ах, мсье Сальватор! Вы не сможете сказать мне больше упреков, чем я их скажу сам себе.

– Ну хорошо, вы сможете их высказать самому себе, когда я уйду. Но вы мне нужны сегодня вечером.

– Сегодня вечером, завтра, послезавтра! Когда угодно, мсье Сальватор. Я к вашим услугам!

– Услуга, о которой я хочу вас попросить, Жан Торо, вынудит вас находиться вне Парижа... Сутки, возможно, двое... А может быть, и больше.

– Да хотя бы целую неделю, мсье Сальватор. Этого вам достаточно?

– Спасибо... А теперь скажите, много ли у вас работы на стройке?

– Сегодня и завтра много.

– В таком случае, Бартелеми, я снимаю свою просьбу: мне не хочется, чтобы вы потеряли рабочий день и лишали своего хозяина ваших услуг.

– О! В таком случае я день не потеряю, мсье Сальватор.

– Каким образом?

– А я сегодня сделаю ту работу, что предстоит мне сделать завтра.

– Но это же трудно.

– Трудно? Бог мой, никакой трудности!

– Да как же вы сможете за один день сделать то, что вам дается на два?

– Хозяин пообещал мне заплатить, как за четыре, если я сделаю эту работу за два дня.

Потому, что, не хвалясь, скажу, что я свою работу делаю на совесть... Так вот, я сегодня поработаю за два дня и получу, как за один. Но зато я буду полезен человеку, за которым пойду в огонь и в воду. Вот так-то!

– Спасибо, Бартелеми, я согласен.

– Так что надо будет сделать?

– Сегодня вечером вы отправитесь в Шатильон.

– Куда именно?

– В «Божью благодарность».

– А, знаю! В котором часу?

– В девять.

– Я там буду, мсье Сальватор.

– Там дождетесь меня... Но не пейте больше одной бутылки.

– Больше одной не буду, мсье Сальватор.

– Обещаете?

– Клянусь!

И плотник поднял руку, словно произнося присягу перед судом. А может быть, и еще торжественнее.

Сальватор продолжал.

– Вы прибудете туда вместе с Туссенем Лувертюром, если он будет свободен сегодня вечером.

– Да, мсье Сальватор.

– Тогда прощайте! До вечера!

– До вечера, мсье Сальватор.

– Так вы решительно не хотите выпить с нами кофе? – спросила, неся крынку со сливками, мадемуазель Фифина.

– Нет, мадемуазель, спасибо, – ответил Сальватор.

И пока молодой человек направлялся к двери, мадемуазель Фифина подошла к плотнику и погладила ладошкой по бороде, которую так яростно трясла всего лишь десяток минут тому назад.

– А вот мой волчонок чашечку выпьет, – сказала она. – Ну же, поцелуйте свою маленькую Фифину и больше не сердитесь!

Жан Торо даже заблеял от радости и, едва не задушив Фифину в объятиях, догнал Сальватора на лестнице.

– Ах, мсье Сальватор, – сказал он, – вы были правы: я грубиян и не заслуживаю такой женщины, как она!

Сальватор, не отвечая, пожал мозолистую руку доброго плотника, кивнул и продолжил свой путь.

Спустя четверть часа он уже стучал в дверь Жюстена.

Ему открыла сестра Селестина. Она как раз в тот момент подметала класс, а сам Жюстен, стоя у окна, очинял перья учеников.

– Здравствуй, сестра, – радостно произнес Сальватор, протягивая руку худенькой девушке.

– Здравствуй, *голубь наш*! – ответила с улыбкой сестра Селестина, услышавшая однажды, что именно так называла молодого человека ее мать в память о его появлении в их ковчеге, куда он всегда приходил только с оливковой ветвью, и продолжавшая называть Сальватора только так.

– Тсс!.. – произнес Сальватор, прикладывая палец к губам. – Я думаю, что принес для брата Жюстена очень хорошую новость.

– Как всегда, – сказала сестра Селестина.

– Что? – произнес Жюстен, услышав и узнав голос Сальватора.

И подбежал к дверям.

Сестра Селестина вышла.

– Ну, что? – спросил Жюстен.

– Есть новости, – ответил Сальватор.

– Новости?

– Да. Их очень много!

– О, бог мой! – произнес, вздрагивая всем телом, молодой учитель.

– Ну, уж если вы сейчас начинаете дрожать, что же с вами будет потом?

– Говорите, друг мой! Говорите же!

Сальватор положил руку на плечо друга.

– Жюстен, – продолжил он, – если бы вам сказали: «Сегодня Мина стала свободной, сегодня Мина вырвана из плена, Мина может принадлежать вам. Но готовы ли вы из страха потерять ее все бросить, покинуть семью, друзей, родину?!», что бы вы на это ответили?

– Друг мой, я не смог бы ничего ответить, потому что умер бы от радости!

– Но для этого нет времени... Продолжим. А что, если я вам скажу: «Мина свободна, это так, но при условии, что вы незамедлительно уедете с ней и у вас не будет времени ни на то, чтобы выразить свое сожаление, ни попрощаться, ни оглянуться назад»?

Бедняга Жюстен уткнулся лицом в грудь друга и грустно ответил:

– Я не смог бы уехать, друг... Вы ведь прекрасно знаете, что уехать я не могу.

– Продолжим, – сказал Сальватор. – Возможно, есть способ все это уладить.

– О боже! – произнес Жюстен, воздевая руки.

– Чего желают больше всего на свете, – снова заговорил Сальватор, – ваши матушка и сестрица?

– Уехать, чтобы прожить до конца своих дней в той деревне, где они жили раньше, на том клочке земли, где они родились.

– Так вот, – сказал Сальватор. – Завтра они смогут туда уехать и жить там до самой смерти.

– Что это вы такое говорите, дорогой Сальватор?

– Я говорю, что неподалеку от вашей фермы должны быть какие-нибудь аккуратненькие домишки, крытые черепицей или соломой, которые очень хорошо вписываются в пейзаж, когда по вечерам видны из-за раздвигаемых ночным ветерком деревьев поднимающиеся к небу дымки из труб!

– О, Сальватор, их там около десятка!

– И сколько же стоит такой домик с садом в один арпан?

– Не знаю... Наверное, тысячи три-четыре.

Сальватор вынул из кармана четыре банкноты.

Жюстен следил за ним чуть дыша.

– Вот вам четыре тысячи франков, – сказал Сальватор. – А сколько им нужно будет денег на то, чтобы прилично жить в этом доме?

– О, благодаря экономии сестры и строгости в расходах матери пятисот франков в год будет более чем достаточно.

– Ваша матушка калека, дорогой мой Жюстен. А сестрица слаба здоровьем. Посему положим вместо пятисот франков тысячу.

– О, при наличии тысячи франков в год у них не только будет все необходимое, но еще и останутся деньги!

– Вот десять тысяч франков на десять лет, – сказал Сальватор, добавляя к четырем бумажкам еще десять банкнот.

– Друг мой!.. – вскричал сдавленным голосом Жюстен, хватая Сальватора за руку.

– Добавим еще тысячу франков на переезд, – продолжал тот, – получается пятнадцать тысяч франков... Положите эти деньги отдельно – они принадлежат вашей матушке.

Жюстен был бледен от радости и удивления.

– А теперь, – снова заговорил Сальватор, – перейдем к вам...

– Как, ко мне? – пробормотал Жюстен, дрожа от волнения всем телом.

– Естественно. Ведь с вашей матерью мы уже разобрались.

– Говорите, Сальватор, говорите скорее, не то я совсем потеряю рассудок, друг мой!

– Дорогой Жюстен, – сказал Сальватор, – сегодня ночью мы похитим Мину.

– Сегодня ночью... Мину... Мы похитим Мину? – вскричал Жюстен.

– Если только вы не будете против этого возражать...

– Я, возражать?... Но куда же я повезу Мину?

– В Голландию...

– В Голландию?

– Где проживете с ней год, два, десять, если понадобится. До тех пор, пока не изменится настоящий порядок вещей и вы не сможете вернуться во Францию.

– Но для того, чтобы жить в Голландии, нужны деньги!

– Правильно, друг мой. Вот мы сейчас и посчитаем, сколько вам нужно денег.

Жюстен обхватил свою голову руками.

– О, дорогой Сальватор, посчитайте сами, – воскликнул он. – Я уже и сам не знаю, что говорю. Я даже не понимаю того, что говорите мне вы!

– Ну же! – продолжал Сальватор твердым голосом, отнимая руки Жюстена от головы. – Будьте мужчиной! И давайте в дни процветания сохраним в себе силы, которыми отличались в дни несчастий!

Жюстен сделал над собой усилие. Мышцы его перестали дрожать, глаза перестали бессмысленно блуждать, и он осмысленно взглянул на Сальватора. Он поднес носовой платок к покрытому потом лбу.

– Говорите, друг мой, – сказал он.

– Прикиньте, сколько вам будет нужно денег для того, чтобы жить с Миной за границей.

– С Миной?.. Но ведь Мина мне не жена! И значит, я не могу жить с ней!

– О, Жюстен, я прекрасно знаю, как вы добры, честны и благородны! – сказал Сальватор с лучшей из своих улыбок. – Да, вы не сможете жить с Миной, пока она вам не жена, а Мина не может стать вашей женой до тех пор, пока мы не разыщем ее отца для того, чтобы тот дал свое согласие на брак.

– А если мы его никогда не разыщем?.. – воскликнул Жюстен.

– Друг мой, – ответил на это Сальватор, – вы сомневаетесь в Провидении.

– А если он умер?

– Если умер, мы констатируем его смерть. И тогда, поскольку Мина не будет зависеть ни от кого, она станет вашей женой.

– Ах, друг мой... дорогой Сальватор!

– Вернемся же к нашему делу.

– Да-да! Вернемся!

– Мина, поскольку она не может стать вашей женой до тех пор, пока мы не разыщем ее отца, должна быть устроена в какой-нибудь пансион.

– Друг мой, но вспомните про Версальский пансион.

– За границей пансион – вовсе не то же самое, что во Франции. К тому же вы можете устроить так, чтобы видеться с ней ежедневно, и поселиться так, чтобы ваши окна смотрели на окна ее комнаты.

– Допускаю, что, приняв все эти предосторожности...

– Во сколько, по-вашему, обойдется проживание Миной в пансионе и содержание ее там?

– Полагаю, что в Голландии с тысячей франков за проживание в пансионе...

– Тысяча франков за пансион?

– Да, плюс пятьсот франков на содержание...

– Давайте положим тысячу.

– Как это: положим тысячу?

– Так и положим. Это значит, что в год на Мину надо будет тратить две тысячи франков.

До совершеннолетия ей осталось пять лет: вот вам десять тысяч франков.

– Друг мой, я ничего не понимаю.

– К счастью, вам и понимать нечего... А теперь поговорим о вас.

– Обо мне?

– Да. Сколько денег вам нужно на год?

– Мне?.. Да ничего не нужно! Я буду давать уроки французского и музыки.

– Но учеников, возможно, придется ждать целый год. И даже не дожидаться вовсе.

– Ну, с шестьюстами франков в год...

– Кладем тысячу двести.

– Тысячу двести франков в год... На меня одного? Друг мой, да я буду просто богачом!

– Тем лучше. Лишнее вы отдадите беднякам, Жюстен! Бедняков везде хватает. Тысяча двести на пять лет это будет ровно шесть тысяч франков. Вот вам эти шесть тысяч.

– Но кто вам дал эти деньги, Сальватор?

– Провидение, в котором вы в настоящий момент сомневаетесь, друг мой, говоря, что Мина не сможет найти своего отца.

– О, как я вам благодарен!

– Благодарить вы должны не меня, Жюстен: вы ведь знаете, что я беден.

– Значит, этому счастью я обязан какому-то незнакомому мне человеку?

– Незнакомому? Нет.

– Значит, иностранцу?

– Не совсем так.

– Но, друг мой, могу ли я в таком случае принять тридцать одну тысячу франков?

– Можете, – произнес с оттенком упрека в голосе Сальватор. – Ведь их предлагаю вам я.

– Простите, вы правы... Тысячу извинений! – воскликнул Жюстен, сжимая руки друга.

– Так вот, сегодня ночью...

– Сегодня ночью? – переспросил Жюстен.

– Да, сегодня ночью мы похищаем Мину, и вы с ней уезжаете!

– О, Сальватор! – вскричал Жюстен, сердце которого было переполнено радостью, а глаза – полны слез. И сам его возглас говорил: «Брат мой!»

И бедный учитель, словно видя перед собой спустившееся к нему с неба Божество, сложил руки и стал смотреть на Сальватора, с которым он был знаком чуть более трех месяцев и который при каждой встрече давал ему возможность вкушать те душевные радости, которых учитель тщетно просил у Провидения на протяжении двадцати девяти лет!

– Позвольте, – вдруг с тревогой сказал Жюстен, – но ведь мне понадобится паспорт!

– Насчет этого не беспокойтесь, друг мой: вот вам паспорт Людовика. Вы с ним одного роста и волосы ваши почти одного цвета. Что же касается прочего, почти неважно: все приметы, начиная с роста и кончая цветом волос, почти совпадают. И вам абсолютно нечего опасаться. Если только на границе вы не нарветесь на какого-нибудь очень разбирающегося в цветах жандарма.

– В таком случае мне остается только достать карету?

– Ваша карета с лошадьми будет ждать вас сегодня вечером в пятидесяти шагах от заставы Крульбарб.

– Значит, вы уже обо всем позаботились?

– Надеюсь, – с улыбкой ответил Сальватор.

– Кроме моих бедных маленьких учеников, – произнес Жюстен, покачав головой с некоторыми угрызениями совести.

В этот момент в дверь постучались трижды.

– Друг мой, – сказал Сальватор, – не знаю, почему, но у меня такое чувство, что тот, кто стучится к вам в дверь, принес ответ на этот вопрос.

Дело было в том, что Сальватор, стоя у окна, увидел, как к дому через двор шел милейший господин Мюллер.

Жюстен пошел открывать и вскрикнул от радости, увидев перед собой старого сподвижника Вебера, который, пройдя внешним бульварным кольцом, пришел к нему с утренним визитом.

Ему вкратце рассказали о сложившейся ситуации. Когда господин Мюллер выразил свой восторг по поводу этой новости, Сальватор сказал:

– Есть только одно обстоятельство, мешающее Жюстену быть полностью счастливым, дорогой мсье Мюллер.

– Какое же, мсье Сальватор?

– Бог мой, он мучается вопросом, кто сможет его заменить и возьмет себе его бедных маленьких учеников.

– А я-то на что? – просто спросил добрейший господин Мюллер.

– Не я ли говорил вам, дорогой Жюстен, что человек, который стучится к вам в дверь, даст ответ на мучающий вас вопрос?..

Жюстен бросился к господину Мюллеру и благодарно поцеловал ему руки.

Затем было условлено, что, начиная с сегодняшнего дня, господин Мюллер возьмет учеников себе, поскольку состояние тела и души Жюстена не позволяли ему проводить занятия.

А когда наступят каникулы, ученикам будет объявлено, что отсутствие Жюстена может затянуться на неопределенное время, с тем чтобы родители за сентябрь месяц смогли подыскать своим детям нового учителя.

Сальватор ушел, оставив господина Мюллера проводить занятия и поручив Жюстену подготовить госпожу Корби и сестру Селестину к тем переменам, которые должны были произойти в их жизни в то самое время, когда они меньше всего на это надеялись. Затем он быстро прошел по улице Сен-Жак и ровно в девять часов был уже на улице Офер в кабаре «*Золотая раковина*», где, как мы помним, Жибелотта выставила столь фантастический счет своему любимому другу Крючку.

Как мы видим, Сальватор начал день довольно удачно. В следующей главе мы узнаем, как он его закончит.

Глава XXXIV

Вечер комиссионера

Вечером, в назначенный час, дорожная коляска, приведенная каретником в отличное состояние, остановилась в пятидесяти шагах от заставы Крульбарб.

Ямщик, стремглав примчавшийся на место за десять минут до назначенного часа, вначале подумал, что стал жертвой розыгрыша, увидев, что на условленном месте не только никого не было, но и не ощущалось ни малейшего признака того, что кто-то должен там быть.

Однако спустя несколько минут, увидев двух быстро приближавшихся к нему в обнимку молодых людей, ямщик сошел с лошади, пересел на облучок и застыл, словно камень.

Как Сальватор с Жюстеном ни старались идти быстро, первым к коляске все же подскочил Роланд. Подойдя, Сальватор открыл дверцу, опустил подножку и сказал Жюстену:

– Садитесь!

Услышав всего лишь одно слово, ямщик вздрогнул, как от электрического разряда, и обернулся. Увидев и узнав того, кто произнес это слово, он даже покраснел от удовольствия.

– Здравствуй, приятель! – с улыбкой произнес Сальватор, протягивая ямщику свою тонкую руку аристократа. – Как поживает твой славный батюшка?

– Прекрасно, мсье Сальватор! – ответил ямщик. – Знай он, что это вы собрались в путешествие, он сам приехал бы сюда, несмотря на свои семьдесят шесть лет!

– Хорошо. Я как-нибудь на днях загляну к нему. Он по-прежнему живет на площади Бастилии?

– Черт побери! – с гордостью произнес ямщик. – Если кто-то и имеет право там жить, то только он!

– Да, ты прав, – сказал Сальватор. – Жить там – меньшее из того, чего заслужил человек, бравший эту крепость!

Затем сел в коляску рядом с уже устроившимся там Жюстеном.

– Ты тоже хочешь сесть к нам, Роланд? – спросил он у своей собаки.

Роланд замотал головой.

– Не хочешь? – продолжал Сальватор. – Ага, ты предпочитаешь пробежаться?.. Тогда вперед, Роланд!

– Куда едем, мсье Сальватор? – спросил ямщик.

– По дороге на Фонтенбло... Тише! Ты меня не знаешь!

– Не желая показаться нескромным, мсье Сальватор, поскольку я чувствую, что здесь кроется какая-то тайна, я все же хочу спросить, не скажете ли вы другу, куда надо ехать?

– Тебе скажу, мой маленький Бернар... В Кур-де-Франс.

– Вы там останетесь?

– На ночь.

– Хорошо. За вами никто следить не будет, это я вам обещаю!

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего. Это – мое дело, мсье Сальватор. Доверьтесь мне! Надо ли гнать?

– Нет, Бернар. Езжайте спокойно. Мы должны прибыть в Кур-де-Франс не раньше десяти.

– Ну, тогда поедem рысцой... Но мне не так хотелось бы вас прокатить, мсье Сальватор.

– А как, мой мальчик?

– Так, как я вез в 1815 году императора: пять лье в час.

А потом ямщик тихо добавил:

– А разве вы, мсье Сальватор, не наш император? Разве, когда вы скажете: «К оружию!», мы не вооружимся? А если скажете: «Вперед!», разве мы не пойдem?

– Ну, хватит, Бернар!.. – со смехом сказал Сальватор.
– Тсс... Молчу!.. Ба! Но разве друзья наших друзей не наши друзья? Ведь поскольку этот мсье с вами, он – наш друг!

И Бернар сделал масонский знак.

– Да, друг мой, я ваш друг, – ответил Жюстен. – Ты совершенно прав. И мне бы очень хотелось быть с вами в тот день, когда надо будет взяться за оружие и выступить!

– Видите, мсье Сальватор, все нормально! Нам остается только спеть:

Вперед, дети Отчизны!

И, запев национальный гимн, ямщик стеганул лошадей.

Коляска сорвалась с места, подняв за собой облако пыли, позлащенная последними лучами солнца, коляска стала похожей на солнечную колесницу, спускающуюся с небес на землю.

Мы не станем рассказывать вам, о чем говорили сидевшие в коляске приятели в постепенно сгущавшейся вокруг них темноте. Сами понимаете, основной темой их разговора была надежда. Еще четыре часа, еще три, еще два, и они будут на вершине человеческого счастья, которая уже проступала из-за густых облаков и темных туманов.

Госпожа Корби и сестра Селестина были просто счастливы, узнав о предстоящих событиях и переменах. Глубоко набожные женщины надеялись, что Господь не оставит Жюстена в минуту опасности. А предстоящая разлука могла быть только временной, и они надеялись, что вскоре семья вновь сможет соединиться для того, чтобы больше никогда не покидать друг друга.

Таким образом все складывалось как нельзя лучше, и в предстоявших переменах все видели только несказанную радость и Божью благодать.

В Вильжюиф сделали короткую остановку для того, чтобы поменять лошадей. И вновь тронулись в путь.

Высунувшись из окошка коляски, Сальватор посмотрел на часы: была половина десятого.

Спустя час вдали стали видны очертания фонтанов Кур-де-Франс или, назовем их своими именами, фонтанов Жювизи. Это были большие фонтаны, украшенные трофеями и гениями на пьедесталах, – яркий образчик архитектурного стиля Людовика XV середины XVIII века.

Ямщик остановил лошадей, спрыгнул на землю и открыл дверцу.

– Приехали, мсье Сальватор, – сказал он.

– Как? Это ты, Бернар?

– Да, это я!

– Ты проехал два перегона?

– Конечно!

– Я думал, что это запрещено.

– Да разве есть что-нибудь, что запрещено для вас, мсье Сальватор?

– Но как же?..

– Вот как все произошло. Я подумал: «Мсье Сальватору предстоит какое-то благородное дело и ему нужен человек, который бы ничего не видел и ничего не слышал, но имел на всякий случай пару рук. И этот человек – я!» И тогда в Вильжюифе я сделал вот что: я сказал Пьеру Ланглуоме, который должен был ехать с вами: «Слушай, друг мой, Пьер, у бедняги Жака Бернара есть зазноба у фонтанов Кур-де-Франс. Ты должен уступить ему место для того, чтобы он смог сказать пару слов своей подружке. А когда я вернусь, мы раздавим бутылочку. Идет?» Ланглуоме согласился, мы ударили по рукам, и вот я здесь! А теперь, мсье Сальватор, скажите, ведь я не ошибся? Вот так-то! Мне придется проехать на пять лье больше. Но такой преданный

своему делу ямщик, как я, от такого пустяка не умрет... Я ведь прав? А теперь я жду ваших приказаний! И если мне за вас разобьют физиономию, я перевяжу рожу платком и вам не о чем будет беспокоиться.

Сальватор протянул Жаку Бернару руку.

– Друг мой, – сказал он ему. – Не думаю, что ты мне сегодня понадобишься, но будь спокоен, если представится случай обратиться к тебе за помощью, я непременно это сделаю.

– Обещаете, мсье Сальватор?

– Обещаю.

– Отлично!.. Что я теперь должен делать?

– Проезжай вперед примерно сто пятьдесят шагов.

– А дальше?

– Остановись там.

Бернар взобрался на облучок и проехал сто пятьдесят шагов, остановился, спустился на землю и открыл дверцу.

Сальватор вышел из коляски и направился ко рву.

В двадцати метрах от него из темноты поднялся какой-то человек и сосчитал до четырех.

Сальватор досчитал до восьми и пошел навстречу этому человеку.

Этим человеком был генерал Лебаттар де Премон.

Сальватор подвел генерала к коляске и помог ему подняться в нее. Потом сел сам и сказал Бернару:

– В Шатильон!

– А куда именно в Шатильоне, хозяин?

– К таверне «*Божья благодать*».

– Знаем... Отведать индийских цыплят!

И Жак Бернар, стеганув лошадей, поехал по дороге на Шатильон. Спустя десять минут коляска, заскрипев осями, остановилась перед таверной «*Божья благодать*».

Пока они ехали, Сальватор представил Жюстена генералу. Генерал уже знал, кто такой Жюстен, а тот даже не представлял себе ни кто такой этот генерал, ни какую услугу он ему оказал.

Итак, как мы уже сказали, коляска подкатила к таверне «*Божья благодать*».

Мы уже помним, что именно там Сальватор назначил встречу Жану Торо и Туссену Лувертюру.

Оба могоканина были на месте, но – странное дело! – хотя они уже сидели там целый час, стоявшая на столе бутылка еще не была даже открыта. Можно было бы подумать, что это – уже вторая, но стаканы были такими же чистыми, словно они только что вышли со стеклодувной фабрики.

Жан Торо и Туссен Лувертюр встали, завидев выходящего из коляски Сальватора. Тот вошел в таверну один.

Осмотревшись, Сальватор увидел, что его люди сидели в одиночестве в уголке зала.

Жан Торо понял, что беспокоило комиссионера.

– О! Вы можете говорить, мсье Сальватор, – сказал он. – Здесь нас никто не услышит.

– Да, – подтвердил Туссен Лувертюр. – Давайте приказания и мы их исполним.

– Указания будут краткими, – сказал Сальватор. – Сегодня ночью вы можете мне понадобиться.

– Тем лучше! – сказал Жан Торо.

– Но, возможно, и не понадобится.

– Тем хуже! – сказал Туссен Лувертюр.

– Но в любом случае вы пойдете со мной.

– Мы готовы!

– И вы даже не спрашиваете, куда я вас поведу?

– А зачем? Вы прекрасно знаете, что мы пойдем за вами даже к черту на рога, – сказал Бартелеми Лелон.

– И что потом? – спросил Туссен Лувертюр.

– Потом... Я поставлю вас на места, где вы должны будете находиться, но не показывайтесь раньше, чем я скажу: «Ко мне!»

– А вдруг вам будет угрожать опасность, мсье Сальватор?

– Это касается только меня.

– Ну вот!

– Дайте слово, что появитесь только тогда, когда я скажу: «Ко мне!»

– Черт! Придется дать.

– Итак, даете слово?

– Слово Бартелеми Лелона!

– Слово Туссена Лувертюра!

– Хорошо! Бартелеми, положи эту веревку в карман. А ты, Туссен, сунь себе в карман вот этот платок.

– Готово.

– А теперь скажите, знаете ли вы парк Вири?

– Я не знаю, – сказал Туссен.

– А я знаком с этим парком, – ответил Жан Торо.

– Отлично! Один из двоих знает, и этого достаточно!

– И что с того?

– А то, что вы пойдете сейчас через поле, а когда увидите высокую белую стену, выходящую углом на дорогу, остановитесь там и спрячетесь где-нибудь неподалеку. Там я вас и разыщу.

– Понятно, – хором ответили Жан Торо и Туссен Лувертюр.

– Ну, тогда до встречи?

– До встречи, мсье Сальватор.

И могиране ушли.

Сальватор пошел к коляске, в которой оставил, как мы уже знаем, генерала де Премона и Жюстена.

Коляска поехала назад по дороге, по которой прикатила в Шатильон, и выехала на шляхт на Фонтенбло, в то место, где он идет под уклон к мосту Годо, а оттуда к замку Вири.

Набеганный глаз Сальватора заметил в потемках две крадущиеся тени: это были Бартелеми Лелон и Туссен Лувертюр.

Коляска спустилась вниз, доехала до моста Годо. Пассажиры увидели вдаль белую стену, которая ночью походила на белую реку, текущую по равнине.

Трое мужчин вышли из коляски и помогли ямщику спрятать коляску и лошадей в рощице, росшей рядом с дорогой, которая, казалось, была самой природой создана для того, чтобы служить огромным ангаром. Жаку Бернару было приказано не шуметь. Тот был ужасно доволен, что принимал какое-то участие в подготавливавшейся тайной операции.

Когда карета и лошади были замаскированы, вместо того, чтобы продолжать идти по дороге на Вири, Сальватор, а за ним следом Жюстен и генерал, пошли по тропинке, которая вела к стене замка.

Стояла *«нежная тихая лунная ночь»*, как сказал Вергилий про одну из последних ночей весны или скорее про одну из первых летних ночей. Воздух был влажным, по небу плыли облака и ежесекундно луна помогала нашим друзьям своим дружелюбным молчанием, прячась за облака, словно ребенок прячется за деревьями, потом показываясь на небосклоне для того, чтобы сразу же снова укрыться за тучей.

Так друзья достигли решетки двери парка, о которой мы уже вам говорили. Взяв вправо, они подошли к тому месту стены, в котором Жюстен обычно перелезал. Там генералу показали, что он должен был сделать. Сальватор прислонился спиной к стене и сложил руки на коленях. Жюстен, подавая пример, первым взобрался с помощью Сальватора на стену и спрыгнул в парк с ловкостью, доказывающей большую практику в подобных упражнениях. Генерал последовал за ним и сделал то же самое с такой же легкостью и ловкостью, хотя и был лет на пятнадцать старше Жюстена.

Роланд, решив, что настала его очередь, тоже приготовился было перепрыгнуть через стену, но хозяин знаком остановил его порыв. Сальватор, не забыв о двух помощниках, которые хотя и тронулись в путь раньше них, но отстали от коляски благодаря кнуту Жака Бернара, пошел встретить их у угла стены.

Прождав не более пяти минут, он увидел Жана Торо и Туссена Лувертюра, чьи тени начали вырисовываться на горизонте, как силуэты двух гигантов. Приближение их было не менее фантастическим, поскольку они подошли бесшумно.

Только когда они вплотную приблизились к Сальватору, он увидел, что они шли босиком.

– Bravo! – тихо сказал он им. – Я вас жду.

– И мы пришли! – ответили оба.

– Идите за мной.

Плотник и угольщик молча последовали за ним.

Подойдя к тому месту стены, где перелезли Жюстен и генерал, Сальватор остановился.

– Это здесь! – сказал он.

– Ага! – произнес Жан Торо. – Видимо, надо будет перелезть через нее?

– Ну, конечно же. И сейчас мы вам покажем, как это делается, – сказал Сальватор. – Роланд, ко мне!

Роланд подошел к хозяину, встал на задние лапы, опершись передними о стену.

Сальватор поднял пса до вершины стены. Тот, ухватившись когтями передних лап за гребень стены и упираясь задними лапами о стену, перевалил через нее и спрыгнул в парк. Сальватор подпрыгнул, ухватился за гребень стены и, медленно подтянувшись на руках, словно гимнаст, стал поднимать тело.

Через секунду он уже сидел верхом на каменной стене.

– Ну, а теперь ваша очередь!

Стоявшие внизу мужчины посмотрели на препятствие.

– Черт возьми! – произнес Жан Торо.

– Как! Ты, плотник, мастер из мастеров, самый умелый из всех?!

– Дьявольщина, если Туссен Лувертюр не побоится, что я его раздавлю, и поможет мне подняться, – сказал Жан Торо, – я смогу попробовать перелезть.

– Я-то не побоюсь! – ответил Туссен Лувертюр.

– Предупреждаю тебя, Туссен, я вешу сто пять килограммов, – сказал Бартеlemi Лелон.

– Это чуть больше, чем два мешка угля, – ответил Туссен. – А мне приходилось поднимать и три. А как же потом залезу я?..

– О, как только я поднимусь, тебе не о чем будет беспокоиться.

– Ну, тогда лезь! – сказал Туссен.

И угольщик помог Жану Торо влезть на стену так же, как за четверть часа до этого Сальватор помог сделать это Жюстену и генералу.

Через несколько секунд Жан Торо сидел на стене рядом с Сальватором. Он успел вовремя, поскольку, хотя подъем и длился очень мало времени, Туссен начал уже гнуться под тяжестью гиганта.

– Вот так! – сказал Жан Торо.

Вынув из кармана моток веревки, он сделал на конце что-то вроде петли.

– Держись за веревку, да покрепче, – сказал он Туссену.

Туссен ухватился за конец веревки.

– Держишься? – спросил Жан Торо.

– Да.

– Крепко?

– Крепко, будь спокоен!

– Тогда снимайте, – сказал Жан Торо, – это уже взвешено!

И, подтянув одной рукой руку Туссена, он схватил его за ворот бархатной куртки и поднял до уровня гребня стены, словно тот был маленьким ребенком.

Тут Туссен попытался было ухватиться руками за гребень стены.

– О, это лишнее... – произнес Жан Торо.

И, схватив свободной рукой угольщика между ног, втащил его на стену, опустил вниз ногами по ее другую сторону и отпустил. Тот упал в парк.

Затем, приготовившись последовать за другом, сказал:

– А теперь моя очередь.

Но Сальватор, положив руку на ногу гиганту, заставил его замолчать.

– Слышишь? – спросил он.

– Что?

– Тихо!

Вдали послышался стук копыт скачущей во весь опор лошади.

Стук копыт приближался.

Затем послышалось конское ржание.

Ржала ли это несущаяся галопом лошадь или одна из тех, что были спрятаны вместе с коляской? Единственное, что сумел различить Сальватор, – это тень лошади и всадника, которые начали уже вырисовываться на уровне рожицы, где была спрятана коляска.

Всадник быстро приближался.

– Прыгай, Жан Торо! Прыгай! – крикнул Сальватор.

Жан Торо скорее рухнул со стены, чем спрыгнул с нее.

Затем, как он уже раз сделал, Сальватор свесился по ту сторону стены, держась руками за ее гребень.

После чего, подтянувшись на руках, он посмотрел на дорогу.

Всадник был закутан в плащ.

Но, несмотря на это, Сальватор узнал в нем Лоредана де Вальженеза.

– Это он! – пробормотал молодой человек.

И легко спрыгнул на землю. В это время Роланд глухо зарычал.

– В путь! – сказал Сальватор. – Нельзя терять ни минуты! Если, конечно, еще не поздно!

И Сальватор бросился в парк. Его помощники последовали за ним.

Глава XXXV

Ночь комиссионера

А где же были Мина и Жюстен? В этом-то и состоял весь вопрос.

В те дни, когда Мина ждала Жюстена, она была поблизости от скамейки, где Сальватор ее увидел в первый раз. Но еще не было случая, чтобы Жюстен приходил в тот день, когда его не ждали. Ведь расставаясь, молодые люди назначали место их следующей встречи.

Сальватор побежал к замку. Жан Торо и Туссен Лувертюр последовали за ним.

Говоря, что Сальватор побежал, мы делаем ошибку: в парке, заросшем колючим кустарником, крапивой и высокой травой, бежать было невозможно. К парку, казалось, уже многие годы не прикасалась рука человека, и он в прямом смысле напоминал девственный лес на улице Ада.

Роланд со сдавленным повизгиванием тянул в сторону зарослей, где была обнаружена могилка ребенка, но Сальватор, ломясь сквозь чащу, удерживал собаку рядом с собой.

Они достигли берега пруда.

Там Жан Торо и Туссен Лувертюр на секунду остановились.

Сальватор стал глазами искать причину их замешательства.

– Это статуи! – сказал Туссен Лувертюр.

Двоих помощников Сальватора остановили изображения мифологических персонажей, которые благодаря игре луны словно ожили и, казалось, покинули свои постаменты для того, чтобы наброситься на людей, вторгшихся в их владения.

Что же касается Роланда, то он, узнав пруд, вознамерился было снова в него броситься. Но тут Сальватор остановил пса.

– Потом! Потом, Роланд! – прошептал он. – Сегодня у нас другая задача.

С того места, где они находились, видны были все окна фасада старинного здания. Ни в одном окне не было света.

Сальватор прислушался. Ему показалось, что в стороне, противоположной той, откуда он прибежал, раздался голос Жюстена, зовущий Мину.

– О, неосторожный! – сказал он. – Хотя он ведь не знает...

И устремился на голос, сказав своим помощникам:

– Возвращайтесь туда, откуда мы пришли. И что бы ни случилось, не делайте ничего, пока я вас не позову.

И все побежали назад.

Сальватор и Роланд обогнули пруд, выбрав для этого самые темные места парка, то есть берег, к которому деревья подступили ближе всего.

Роланд побежал вперед. Казалось, он догадался, кого ищет его хозяин.

Пес и человек выскочили на одну из поперечных аллей парка как раз в тот самый момент, когда Жюстен и Мина бросились в объятия друг друга.

Первым человеком, которого увидела Мина, обведя глазами вокруг, был генерал де Премон. Девушка испуганно вскрикнула.

– Не бойся, милое дитя, – сказал Жюстен. – Это друг!

В это время с другой стороны аллеи показались Сальватор и Роланд.

– Тревога! Тревога! – сказал Сальватор. – Нельзя терять ни минуты!

– Что происходит? – спросила слегка испуганная Мина.

– Происходит то, дорогая Мина, что мы вас похищаем.

– Мина?.. – прошептал генерал. – Так звали мою дочь!

И он, вытянув руки, направился к Мине.

Но Сальватор не дал ему времени сказать ни слова девушке.

– Действуем тихо и быстро! – сказал он. – В коляске вы расскажете друг другу все, что хотели бы рассказать. У вас для этого будут два дня и две ночи!

И с помощью Жюстена потащил девушку к тому месту стены, где им надо было перелезть.

– Лезьте, Жюстен! – сказал Сальватор.

– А моя бедная Мина?.. – спросил тот.

– Лезьте вверх! – повторил Сальватор. – Я ведь вам сказал, что нельзя терять ни минуты! Жюстен подчинился.

– Прощайте, мсье Сальватор! Прощайте, мой милый друг! – прошептала девушка, подставляя молодому человеку для поцелуя свой белый лоб.

– Прощайте, сестра, прощайте! – сказал Сальватор.

И поцеловал ее в лоб.

– О, и я тоже, – сказал генерал. – Я хочу поцеловать это дитя!

Губы генерала прикоснулись ко лбу девушки. Затем, положив руку на голову Мины, генерал произнес:

– Будь счастлива, дитя! – сказал он голосом, полным слез. – Тебя благословляет отец, который пятнадцать лет не видел дочь... Да хранит тебя Бог!

В последних словах была заключена целая молитва: «Я прошу Господа смилостивиться над тобой, так же, как я просил бы об этом за свою дочь!»

– Быстрее, быстрее! – сказал Сальватор. – Теперь каждая минута стоит часа, а каждый час – целого дня!

– Я жду, – сказал Жюстен, сидя верхом на гребне стены.

– Хорошо! – произнес Сальватор.

И одним броском очутился рядом с ним.

– Теперь, – сказал он генералу, – возьмите девушку на руки, чтобы мы смогли ее поднять.

Генерал взял девушку, словно Милон из Кротона поднимал барашка. Затем, держа ее на ладонях вытянутых рук, приблизился к стене. Молодые люди, обхватив одной рукой ее за талию, стали поднимать Мину на стену, а генерал помогал им, подталкивая ее за ноги.

Когда Мина очутилась на гребне стены, Сальватор приказал:

– Жюстен, спускайтесь вниз!

Жюстен спрыгнул на дорогу.

– Подойдите к стене, – снова сказал Сальватор, – и упритесь в нее головой и обеими руками... Вот так...

– Дитя мое, – добавил он, обращаясь к Мине, поднимая ее и разворачивая, – поставьте ноги на плечи Жюстену.

Девушка сделала так, как ей сказали.

– Сгибайте колени, Жюстен.

Жюстен согнул.

– Присядьте еще пониже.

Жюстен присел.

– Теперь станьте на колени.

Жюстен встал на колени.

– А теперь, – сказал Сальватор, выпуская руки Мины, – вы спасены!

И в этот момент раздался звук пистолетного выстрела.

Пока раздавался голос, произнесший «Пока еще нет!», и гремел пистолетный выстрел, Мина, которой до земли оставалось не более двух футов, легко спрыгнула с плеч Жюстена на траву, росшую вдоль стены.

Услышав выстрел и узнав голос господина де Вальженеза, девушка вскрикнула.

– Бегите! И счастливого путешествия! – крикнул Сальватор, спрыгивая со стены в парк. Генерал уже бросился было в ту сторону, откуда сверкнуло пламя выстрела.

– Назад, генерал! – сказал Сальватор, резко оттолкнув с дороги господина Лебатара де Премона. – Это мое дело!

Генерал остался на месте.

Сальватор устремился туда, откуда был произведен выстрел, и очутился лицом к лицу с господином де Вальженезом.

– А! Я промахнулся с первого выстрела! – крикнул тот. – Но теперь-то я не промахнусь! И почти уперся дулом пистолета в грудь Сальватора.

Еще бы секунда, и он бы выстрелил. И наш молодой герой погиб бы. Но в этот момент, взревев, словно тигр, в воздух взвилось какое-то животное. Оно вцепилось графу в горло: это Роланд пришел на помощь своему хозяину.

В полете пес ударил по руке, державшей пистолет, и пуля ушла в небо.

– Ах, честное слово, дорогой мсье Лоредан, – сказал Сальватор, – знаете ли вы, что чуть было случайно не убили своего двоюродного брата?..

Сбитый с ног Роландом, граф де Вальженез опрокинулся на спину и выпустил из руки пистолет.

Роланд продолжал держать его за горло.

– Эй, мсье, – прохрипел граф, стараясь освободиться от собаки, – вы ведь не позволите собаке загрызть меня насмерть?!

– Роланд! – крикнул Сальватор. – Сюда!.. Ко мне!

Пес с большим сожалением отпустил графа и, продолжая рычать, сел у ног хозяина.

Граф поднялся на одно колено. Выпрямившись, он выхватил из кармана стилет. Но тут случилось такое, что не дало графу возможности применить свое оружие: справа от него вырос Жан Торо, а слева – Туссен Лувертюр.

Когда Сальватор, обращаясь к Роланду, крикнул: «Сюда! Ко мне!», – его помощники, решив, что это и был условный сигнал, примчались ему на выручку. Мы помним, что Сальватор велел ничего не предпринимать до тех пор, пока он не крикнет: «Ко мне!»

Жан Торо, увидев, как в лунном свете в руке Лоредана блеснуло лезвие кинжала, схватил запястье графа и сжал с такой силой, что все услышали, как хрустнули связки сустава.

– Ну-ка, – сказал Жан Торо, – бросьте эту игрушку. Вы не сможете этим воспользоваться, юноша.

И сдавил руку еще сильнее.

Под напором железных мышц плотника, заставлявших ходить все косточки его запястья, господин де Вальженез вскрикнул, словно пациент, когда доктор неожиданно нажимает ему на что-то. Пальцы его разжались сами собой, и стилет упал к его ногам.

– Подними ножичек, Туссен, – сказал Бартеlemi Лелон. – Он послужит нам для очистки трубок.

Туссен нагнулся и поднял стилет.

– А что мы будем теперь делать с господином графом, шеф? – спросил Жан Торо.

– Заткните ему рот платком, – по-прежнему спокойно сказал Сальватор, – и свяжите руки и ноги веревками, которые лежат у вас в кармане.

Туссен Лувертюр вынул из кармана носовой платок, а Жан Торо полез за веревками.

Доставая веревки, Жан Торо был вынужден отпустить руку графа. Тот, в надежде спастись, воспользовался секундой свободы и прыгнул в сторону, крича:

– На помощь!

Но увидел перед собой генерала, который до этого оставался немым и неподвижным зрителем того, что происходило.

– Мсье, – сказал генерал, приставив дуло пистолета ко лбу Лоредана, – я даю вам честное слово, что, если вы хотя бы раз шевельнетесь, пытаясь бежать, если еще хотя бы один раз позовете на помощь, я разможжу вам голову, словно бешеной собаке.

– Значит, – сказал господин де Вальженез, – на меня напала банда грабителей?

– Вы имеете дело с людьми чести, – ответил Сальватор. – С людьми, которые поклялись вырвать из ваших рук девушку, которую вы так подло похитили.

И, обращаясь к Туссену Лувертюру и Жану Торо, добавил:

– Давайте скорее: платок, веревки! Но только постарайтесь, чтобы от платка наш пленник не задохнулся, а веревки затягивайте так, чтобы он не смог пошевелить ни руками, ни ногами. Я сейчас вернусь.

– Я могу вам чем-нибудь помочь, мсье? – спросил генерал.

– Нет. Оставайтесь здесь и руководите операцией.

Генерал кивнул в знак согласия, и Сальватор исчез.

С изумительной ловкостью Туссен Лувертюр завязал графу рот, а в это время Жан Торо обмотал его с ног до головы, привязав конец веревки к узлу на платке.

Господин Лебатар де Премон наблюдал за ним, скрестив руки на груди.

Через десять минут послышался приглушенный высокой травой стук копыт и появился Сальватор. Одной рукой он вел под уздцы коня графа, а в другой нес железный ломик.

– Готово, шеф, – сказал Жан Торо. – Все сделано на совесть, я отвечаю за свои слова!

– Я и не сомневаюсь, Жан, – сказал в ответ Сальватор. – А теперь, поскольку мы повезем мсье на его же лошади, возьми вот этот ломик и пойдешь открой решетку.

На коне были уздечка и трензель. Сняв трензель и тонкий кожаный ремешок, наши друзья усадили графа де Вальженеза на лошадь.

– Вот так! – сказал Сальватор. – А теперь в путь!

Туссен взял лошадь под уздцы, и все направились к решетке входных ворот.

Жан Торо, держа лом, словно швейцарец на карауле, стоял рядом с уже открытой решеткой.

Сальватор подошел к нему.

– Ты знаешь хижину у реки? – спросил он.

– Ту, где мы собирались пару недель тому назад?

– Точно.

– Как дом моей матери, мсье Сальватор.

– Отлично! Вот туда вы и отвезете аккуратненько графа.

– Там есть кровать: ему понравится.

– Вы с Туссеном останетесь его сторожить.

– Понятно.

– Там в шкафу есть провизия на пару дней: мясо, хлеб и вино.

– На пару дней... Значит, мы будем сторожить его там два дня?

– Да... Если он захочет есть или пить, вы откроете ему рот, развяжете руки и дадите ему поесть и попить.

– Это правильно. Жить все хотят.

– Это плохая поговорка, Жан Торо. Она защищает жизнь мошенников.

– Ах, да!.. Но если вы не хотите, чтобы он жил, мсье Сальватор, – снова произнес Жан Торо, делая жест, словно он нажимает большим пальцем на горло другому человеку, – вам надо сказать только слово, сами понимаете.

– Несчастный! – произнес Сальватор, будучи не в силах сдержать улыбку при виде этой слепой преданности.

– Вы этого не хотите? Тогда не будем больше об этом, – сказал Жан Торо.

Сальватор уже направился было к Туссену Лувертюру и генералу, стоявшим рядом с лошадьё, на которой сидел связанный молодой граф.

Но Жан Торо остановил его.

– Кстати, мсье Сальватор...

– Что еще?

– Когда мы должны будем его отпустить?

– Послезавтра в это же время. И позаботьтесь не только о человеке, но и о лошади.

– Позаботимся, мсье Сальватор, обязательно позаботимся, – сказал Жан Торо. – Будьте уверены, лошадь более человека стоит, чтобы о ней позаботились!

– В полночь вы поставите оседланную лошадь перед дверью хижины. Один из вас развяжет пленника, другой откроет ему дверь. Вы дадите ему уехать и пожелаете счастливого пути.

– А потом мы должны будем вернуться в Париж?

– Да, вы вернетесь домой, и ты, Жан Торо, отправишься на работу, словно ничего и не произошло. И Туссену Лувертюру скажешь, чтобы он сделал то же самое.

– И это всё?

– Всё.

– Работа несложная, мсье Сальватор!

– И, главное, честная, дорогой мой Бартелеми. Твоя совесть должна быть поэтому спокойна.

– Ну, уж коли вы в этом деле приняли участие, мсье Сальватор...

– Спасибо, милый!

– В таком случае, в путь, господин граф! – сказал Жан Торо.

– Ну, трогай! – сказал Туссен Лувертюр, похлопывая одной рукой коня по шее, а другой потянув его за удила.

Жан Торо встал с другой стороны лошади, и оба могиканина, составив эскорт господина де Вальженеза, тронулись в путь в направлении стоявшей у реки хижины.

Издалека при свете луны лежавший поперек седла связанный господин де Вальженез был похож на Мазепу.

– А теперь, генерал, – сказал Сальватор, – давайте закроем решетку и займемся делом мсье Сарранти.

Закрыв с помощью генерала решетку ворот, Сальватор позвал Роланда. Но Роланд исчез: какая-то непреодолимая сила тянула его к скамье.

Сальватор снова позвал, на этот раз более повелительным тоном и назвав пса уже не Роландом, а Брезилем.

Пес, грустно повизгивая, появился из темноты. Было видно, что его оторвали от очень приятного занятия.

– Да, – прошептал Сальватор, – да, я знаю, чего ты хочешь, дорогой мой Брезил. Но успокойся, мы еще к этому вернемся... Рядом, Брезил, рядом!

Генерал, казалось, не обратил никакого внимания на этот разговор Сальватора с Брезилем. Опустив голову, он машинально пошел за молодым человеком, не произнеся ни единого слова.

Когда они прошли мимо столь привлекавших внимание Брезилиа скамейки и дуба, Сальватор, шагая беззвучно, вступил на аллею, ведущую к замку.

Когда они прошли несколько шагов, молчание было нарушено генералом.

– Вы не поверите, мсье Сальватор, – сказал он, – какое меня охватило волнение при виде этой девочки.

– Она действительно очаровательное создание, – ответил Сальватор.

– Увы! – произнес генерал. – У меня тоже есть дочь, примерно такого же возраста... Если она еще жива.

– И вы не знаете, что с ней приключилось?

– Когда я покидал Францию, я поручил ее заботам славных людей, у которых потребую отчета сразу же, как смогу сделать это открыто. Когда придет время, мы еще вернемся к этому разговору, мсье Сальватор.

Сальватор кивнул в знак согласия.

– А что особенно взволновало меня, – продолжал генерал, – так это то, что вы произнесли имя Мины.

– Девочку зовут именно так.

– Так же звали и мою дочку, – прошептал генерал. – И мне хотелось бы, чтобы моя Мина была такой же чистой, как ваша, дорогой мсье Сальватор.

И генерал, поникнув головой, снова замолчал, движимый чувством, о котором он только что сказал.

Мужчины некоторое время хранили молчание, уйдя в занимавшие их мысли.

Теперь настала очередь Сальватора нарушить это молчание. Он заговорил первым:

– Сейчас меня беспокоит лишь одно, – сказал он.

– Что же? – спросил генерал.

– В этом замке жили всего трое человек: Мина, мсье де Вальженез и некто, кто являлся гувернанткой.

– Мина! – повторил генерал, словно повторение этого имени доставляло ему удовольствие.

– Мина уехала с Жюстеном. Мсье де Вальженез находится в руках Жана Торо и Туссена Лувертюра, и они его не отпустят, я в этом уверен. Остается гувернантка.

– И что же дальше? – спросил, чуть более заинтересованно генерал, понимая, что Сальватор вновь возвращался к интересующему их делу, то есть к оправданию господина Сарранти.

– А то, – снова заговорил Сальватор, – что если она не спит, она должна была слышать выстрелы и спрятаться куда-нибудь.

– Так давайте найдем ее, – сказал генерал.

– К счастью, – продолжал Сальватор, – у нас есть Брезил. И он поможет нам ее найти.

– А кто это Брезил?

– Это моя собака.

– А я думал, что ее зовут Роланд.

– На самом деле его зовут Роланд, генерал. Но мой пес, как и я сам, имеет два имени: одно для всех, и оно соответствует его теперешней жизни, а другое знаю только я, и оно относится к его прошлой жизни. Потому что я должен вам сказать, что жизнь у Роланда почти такая же бурная и почти такая же таинственная, как и моя.

– Если я стану достаточно дружен с вами, мсье, не могли бы вы приоткрыть мне тайну этой жизни... – сказал господин де Премон.

И смолк, понимая, что малейшая настойчивость может быть расценена, как любопытство.

– Вполне возможно, генерал, – сказал Сальватор. – Но пока речь идет о том, чтобы понять тайну жизни Брезилия.

– Это трудное дело, – ответил генерал. – И хотя я знаю семь или восемь языков, я не возьмусь служить вам переводчиком.

– О, в разговорах между мной и Брезилем переводчик и не нужен, генерал. Вы сами увидите, как мы понимаем друг друга... И обратите внимание: вы видели, какой у него был беззаботный вид, не так ли? А теперь, смотрите: по мере того, как мы приближаемся к замку, он становится все более и более возбужденным. И это ни в коей мере не зависит от света, который там горит, или от звуков, которые до него доносятся, не так ли? Вы сами видите, что в доме не горит ни единой свечи и что его сердце бьется не чаще, чем у трупа.

И действительно, приближаясь к замку, молчаливый и хмурый Брезил поводил ушами, нюхал воздух и щетинился, словно готовясь к схватке.

– Видите, генерал, – сказал Сальватор. – Обещаю вам, что если гувернантка еще в замке, в погребе или на чердаке, мы ее отыщем, где бы она ни спряталась. Входим, генерал!

Войти в замок не составляло никакого труда. Выходя прогуляться в парк, Мина оставила дверь открытой. Но, как мы уже сказали, здание освещалось только светом луны.

Сальватор извлек из кармана маленький фонарик и зажег его.

Посреди прихожей Брезил вертелся волчком, словно проверяя находившиеся там вещи и узнавая обстановку. Потом вдруг, словно решившись на что-то, уперся головой в маленькую дверцу, которая, казалось, вела в подвал здания.

Сальватор открыл эту дверцу.

Брезил устремился в темный коридор, спустился по находившейся в конце его лесенке из шести или восьми ступеней в погреб. Там он испустил такой протяжный вопль, который заставил вздрогнуть Сальватора и генерала. А сделать это было не так-то легко.

– В чем дело, Брезил? – спросил Сальватор. – Не здесь ли, случайно, Рождественская Роза?..

Пес, словно поняв вопрос хозяина, снова бросился вперед и скрылся в темноте.

– Куда он ушел? – спросил генерал.

– Не знаю, – ответил Сальватор.

– Не пойти ли нам за ним?

– Не стоит. Если бы он хотел, чтобы мы шли за ним, он повернул бы голову в мою сторону и сделал бы знак следовать за ним. Но он этого знака не подал. Поэтому мы должны ждать его здесь.

Ждать Сальватору и генералу пришлось недолго.

Пока они смотрели на дверь, затрещало стекло окошка, и между ними рухнул Брезил. Глаза его были налиты кровью, язык свешивался изо рта. Он три или четыре раза покружился по погребу, словно ища кого-нибудь, кого надо было разорвать на куски.

– Рождественская Роза, да? – спросил Сальватор собаку. – Рождественская Роза?

Брезил отчаянно залаял.

– Значит, именно здесь, – сказал Сальватор, – пытались убить Рождественскую Розу.

– Кто это – Рождественская Роза? – спросил генерал.

– Один из двух пропавших детей, которых мсье Сарранти якобы пытался убить.

– Пытался убить? – переспросил генерал. – А вы уверены в том, что убийство не удалось?

– К счастью, так оно и было!

– И этот ребенок?..

– Я же вам уже сказал, генерал, ребенок остался жив.

– И вы с ним знакомы?

– Я ее знаю.

– Так почему же вы не расспросите ее обо всем?

– Потому что она не желает отвечать.

– И что же делать?

– Расспросить Брезил! Вы же видите, что он хочет ответить.

– Тогда продолжим!

– Дьявольщина! – воскликнул Сальватор.

И мужчины повернулись к Брезилу, который с яростью пытался укунить землю.

Сальватор задумчиво смотрел на собаку.

– Здесь что-то зарыто, – сказал генерал.

Сальватор отрицательно замотал головой.

– Нет, – сказал он.

- Почему нет?
- Потому что я вам уже сказал, что девочка осталась жива.
- А мальчик?
- Он зарыт вовсе не здесь.
- И вы знаете где?
- Да.
- Значит, мальчик мертв?
- Да, он мертв.
- Его убили?
- Утопили!
- А девочка?
- Девочку здесь едва не зарезали.
- Где же?
- Да здесь.
- И кто же помешал убийце закончить дело?
- Брезил.
- Брезил?
- Да. Он разбил это окно, как только что сделал это. И, возможно, набросился на убийцу.
- Но что же он ищет теперь?
- Он ничего не ищет. Он уже нашел.
- Что?
- Смотрите.

Сальватор опустил фонарь и осветил плиту погребца.

– Ого! – произнес генерал. – Вроде бы это – следы крови.

– Да, – снова сказал Сальватор. – Волею Господа пятно крови, вытекшей теплой из тела человека, не стирается. И эта кровь, генерал, а это так же верно, что мсье Сарранти невиновен, эта кровь, которую учуял Брезил, является кровью убийцы!

– Уж не хотите ли вы сказать, что девочку едва не зарезали ножом?

– Именно так.

– Здесь?

– Возможно.

– А Брезил?..

– Он никогда не ошибается. Брезил! – сказал Сальватор. – Брезил!

Пес прервал свое кружение и подошел к хозяину.

– Ищи, Брезил! – сказал Сальватор.

Брезил обнюхал плиты погребца и рванулся к маленькой дверце, которая выводила в парк.

Дверца была закрыта. Собака, жалобно повизгивая, поскреблась в дверь и лизнула языком землю в двух или трех местах.

– Вы видите разницу, генерал, – сказал Сальватор. – Здесь пролилась кровь этой девочки. Она скрылась через эту дверь. Сейчас я открою ее, и вы увидите, как Брезил пойдет по следам крови.

И Сальватор открыл дверь. Брезил устремился в подземелье, два или три раза остановившись для того, чтобы языком коснуться каменных плит.

– Видите, – сказал Сальватор, – ребенок убежал именно сюда. А в это время Брезил бился с убийцей.

– Но кто же убийца?

– Думаю, что это была женщина... Девочка в минуту потрясения – а это могло привести ребенка в безумное состояние – два-три раза крикнула: «Не убивайте меня! Не убивайте меня, мадам Жерар!»

– Какая ужасная история! – воскликнул генерал.

– Да, – сказал Сальватор. – Теперь у нас в руках конец ниточки. И мы должны распутать это дело до конца.

Затем позвал:

– Брезил, иди сюда!

Брезил, уже выскочив в парк, где, казалось, потерял след, примчался на крик хозяина.

– Здесь нам делать больше нечего, генерал, – сказал Сальватор. – Я узнал все, что хотел. Теперь нам важно не дать гувернантке сбежать.

– Давайте искать гувернантку.

– Вперед, Брезил! – сказал Сальватор, поднимаясь по ступенькам, ведущим в вестибюль.

Брезил последовал за хозяином. Выйдя в вестибюль, он на мгновение заколебался: через открытую дверь он увидел блестящий при свете луны пруд, напоминавший до блеска начищенный щит. Пруд неумолимо влек собаку к себе.

Голос Сальватора отвлек пса.

И тогда пес стал подниматься по лестнице. Но не спеша, словно этот путь вел его не к цели, а уводил из вестибюля.

Но, дойдя до коридора второго этажа, собака быстро побежала в его конец. Потом остановилась перед одной из дверей и нежно и жалобно заскулила.

– Может быть, гувернантка там? – спросил генерал.

– Не думаю, – ответил Сальватор. – Это, вероятно, комната одного из детей. Но давайте посмотрим.

Комната была заперта. Но когда Сальватор толкнул дверь, замок не устоял и дверь распахнулась.

Собака с радостным лаем влетела в комнату.

Сальватор был прав: первое, что бросалось в глаза, был альков с двумя стоящими рядом кроватями. Это, очевидно, кровати детей. Брезил радостно бросался от одной кровати к другой, опираясь передними лапами на одеяла и глядя на Сальватора с тем выражением радости, в котором никак нельзя было ошибиться.

– Видите, генерал, – сказал Сальватор. – Это детская комната.

Брезил с удовольствием остался бы в этой комнате навсегда и умер бы между кроватями.

Но Сальватор настойчивыми командами заставил его выйти из комнаты.

Жалобно поджав хвост и опустив голову, Брезил поплелся за хозяином.

– Мы еще вернемся сюда, Брезил. Вернемся, будь уверен! – сказал Сальватор.

И, словно поняв эти слова, пес стал подниматься по лестнице, которая вела на третий этаж.

На лестничной площадке он остановился. Затем, сверкая глазами, угрожающе рыча и ошестинившись, он приблизился к одной из дверей.

– Черт побери! – сказал Сальватор. – Мы стоим перед дверью какого-то врага. Давайте заглянем сюда.

Дверь, как и на втором этаже, оказалась закрытой. И точно так же, как та дверь, она не выдержала мощного натиска.

Как только Брезил вошел в комнату, он залился яростным лаем. Казалось, его злость была направлена против комода.

Сальватор попытался было открыть комод, но все ящики были заперты на ключ.

Брезил с яростью кусал ручки комода.

– Подожди, Брезил, подожди, – сказал Сальватор. – Сейчас мы посмотрим, что в этих ящиках. А пока умолкни!

Собака замолчала, наблюдая за тем, что собирался делать хозяин. Но глаза его продолжали сверкать, а из пасти текла пена. С длинного и красного, как кровь, языка капала слюна.

Сальватор поднял мраморную крышку комода и прислонил ее к стене.

Пес, словно понимая и подбадривая хозяина, со злостью топтался на месте.

Сальватор вынул из кармана короткий нож и, налегая всем телом, приподнял деревянную крышку.

Увидев это, Брезил оцетинился на комод.

Сальватор сунул руку в образовавшееся отверстие и вытащил из комода красный шерстяной корсаж.

Но не успел он рассмотреть этот корсаж, как Брезил вырвал его своими мощными зубами из рук Сальватора.

Этот корсаж был частью национального костюма Урсулы.

Бросившись к собаке, которая с яростью терзала ткань, Сальватор с большим трудом отобрал его.

– Я никогда не ошибался, – сказал Сальватор. – Девочку попыталась убить женщина. И эта женщина – мадам Жерар, или скорее Урсула.

И он высоко поднял ярко-красный корсаж. А Брезил с громким лаем принялся прыгать, чтобы достать его.

Генерал стоял неподвижно, поражаясь совпадению мыслей Сальватора и его собаки.

– Видите, – продолжал Сальватор, – в этом нет никаких сомнений.

Затем, убедившись в своих предположениях, он, уложив этот корсаж обратно в комод, установил, как смог, деревянную крышку и накрыл все мраморной плитой.

Собака рычала так, словно у нее отняли самую аппетитную кость.

– Ладно, ладно, – сказал Сальватор Брезилу. – Прекрати! Ты сам понимаешь, что мы еще вернемся сюда, мой храбрый пес! Но теперь самое главное – найти гувернантку. Давай ее искать!

Собака, рыча, вышла из комнаты. Но, оказавшись на лестничной клетке, она принялась за поиски и вскоре остановилась перед последней дверью в коридоре и принялась звать на помощь.

– Вот мы и у цели, генерал, – сказал Сальватор, направляясь к двери, перед которой лаял Брезил.

А затем, обращаясь к собаке, сказал:

– Там кто-то есть, не так ли Брезил?

В ответ собака залаяла еще громче.

– Итак, – сказал Сальватор, – если полиция не занимается своим делом, придется выполнить это дело вместо нее.

Затем, обращаясь уже к генералу, добавил:

– Возьмите фонарь, генерал, и не мешайте мне.

Генерал взял фонарь. А Сальватор в это время опоясался белым поясом, который в то время являлся признаком комиссаров полиции, судейских и служащих министерств.

Потом, постучав в дверь, произнес:

– Именем короля!

Дверь открылась.

Увидев входящего в комнату человека в черном и решив из-за белого шарфа на поясе, что это – комиссар полиции, женщина, находившаяся в комнате и открывшая дверь в одной ночной рубашке, рухнула на колени посреди комнаты и воскликнула:

– *Иисус! Мария!*

– Именем короля, – снова сказал Сальватор, – вы арестованы, женщина!

Та, к кому были обращены слова Сальватора и в чью сторону была протянута его рука, была старой девой лет пятидесяти – шестидесяти. В том наряде, который на ней был, она выглядела просто мерзко.

Рядом с ней Броканта показалась бы Венерой Милосской.

Она закричала от страха, а Брезил, которого ее крик, вероятно, вывел из себя, ответил тоскливым и протяжным воем.

Сальватор стал пытаться найти в окружавшей его темноте какую-то связь между этим отратительным созданием и воспоминаниями из его прошлой жизни.

– Ну-ка, осветите эту женщину, – сказал он генералу. – Мне кажется, что я ее знаю.

Генерал направил луч света на лицо стоявшей перед ними уродины.

– Так и есть, – сказал Сальватор, – я не ошибся!

– О, мой добрый господин, – воскликнула гувернантка, – клянусь вам, я – честная женщина!

– Ты лжешь! – сказал Сальватор.

– Мой дорогой комиссар!.. – продолжала причитать старуха.

– Лжешь! – снова оборвал ее Сальватор. – Я сейчас скажу, кто ты: ты – мать *Святоши*.

– О, мсье! – вскричала в испуге мегера.

– Из-за тебя одно очаровательное создание по ошибке попало в некое гнусное место и оказалось там вместе с твоей дочерью – а та там находилась вовсе не случайно, – и, оказавшись во власти твоих домогательств, будучи выдана тобой и обещана твоими усилиями, не смогла пережить своего позора и бросилась в Сену!

– Мсье комиссар, я протестую...

– А помнишь ли ты Атенаис? – грозно спросил Сальватор. – И не надо больше ни лжи, ни клятв!

Мы помним, что Атенаис звали дочь трубача Понроя, которую Сальватор назвал Фраголой. Если нам удастся когда-нибудь, повторяем это еще раз, проникнуть в тайны жизни Сальватора, мы, вероятно, сможем обнаружить следы того события, на которое мнимый комиссар полиции только что намекнул.

Старуха опустила голову, словно на нее скатился Сизифов камень.

– А теперь, – сказал Сальватор, – отвечай на вопросы, которые я тебе сейчас задам.

– Мсье комиссар...

– Отвечай, или я позову двоих моих людей и они доставят тебя в «Маделонет».

– Я буду отвечать, буду, мсье комиссар!

– Сколько уже времени ты здесь находишься?

– С последнего Страстного Воскресенья.

– Когда похищенная мсье де Вальженезом девушка прибыла в замок?

– В ночь со Страстного Вторника на предпоследний день Масленицы.

– Разрешал ли мсье де Вальженез девушке выходить из замка с того времени, как она прибыла в замок?

– Ни одного раза!

– И с помощью каких же насильственных мер он не разрешал ей выходить из замка?

– Он пригрозил ей, что обвинит ее любимого в похищении и добьется отправки его на галеры.

– И как же зовут ее любимого?

– Мсье Жюстен Корби.

– Какую сумму в месяц платил тебе мсье де Вальженез за то, чтобы ты сторожила похищенную девушку?

– Мсье комиссар...

– Сколько он тебе платил? – повторил Сальватор властным тоном.

– Пятьсот франков в месяц.

Сальватор оглядел комнату и увидел нечто похожее на секретер. Открыв его, он нашел там листок бумаги, перья и чернила.

- Садись за стол, – сказал он женщине, – и напиши все, что ты только что мне сказала.
- Я не умею писать, мсье комиссар.
- Не умеешь писать?
- Нет, клянусь вам!

Сальватор вытащил из кармана бумажник, извлек из него какую-то бумагу, развернул ее и сунул в лицо старой ведьме.

- Если ты не умеешь писать, кто же написал вот это?

«Если ты не дашь мне сегодня вечером пятьдесят франков, я скажу, где познакомилась с тобой моя дочь, и тебя выгонят из магазина.

Глуэт.

11 ноября 1824 года».

Старуха подавленно молчала.

– Видишь, ты, оказывается, умеешь писать, – сказал ей Сальватор. – Плохо, конечно, но этого тебе хватает, чтобы выполнить приказ, который я тебе даю еще раз. Итак, пиши показания, которые ты мне только что сделала.

И Сальватор, заставив старуху сесть за стол, вложил ей перо в руку. Генерал светил, а молодой человек продиктовал ей следующий документ, написанный гнусным почерком и с присущими ей орфографическими ошибками. Но мы не станем утомлять читателя этими ошибками, полагая, что ему будет более интересно узнать содержание этих показаний.

«Я, нижеподписавшаяся жена Брабансона по прозвищу Глуэт, заявляю, что была нанята мсье Лореданом де Вальженезом в прошлое Страстное Воскресенье для того, чтобы охранять девушку по имени Мина, которую указанный мсье похитил из пансиона в Версале. Я заявляю, что, кроме этого, девушка была привезена в замок Вири в ночь со Страстного Вторника на Заговленную Среду, что она пригрозила господину графу, что будет кричать, звать на помощь, попытается бежать, на что господин граф ответил, что она не станет этого делать, поскольку у него есть возможность отправить ее возлюбленного на галеры и что эта возможность заключается в том, что он заявит, что тот похитил несовершеннолетнюю девушку. У него в кармане даже было незаполненное постановление об аресте, и он его ей показал.

Подпись: Жена Брабансона по прозвищу Глуэт.

Писано в замке Вири в ночь на 23 мая 1827 года».

Мы обязаны признаться, что Сальватор в составлении этого документа принял непосредственное участие. Но поскольку этот документ ни на йоту не отступал от истины, мы надеемся, что читатель простит нам ту настойчивость, с которой он заставил старую ведьму составить его, и что он поймет, что настойчивость эта была скорее морального плана, чем литературного.

Сальватор забрал заявление, свернул листок вчетверо и положил его в карман. Затем, обернувшись к Глуэт:

- Вот так! – сказал он. – Теперь можешь снова лечь спать.

Старуха предпочла остаться на ногах, но, услышав приглушенное рычание Брезилля, моментально бросилась в постель и накрылась одеялом, чтобы спастись от разъяренной собаки.

И действительно, зубы Брезилля блестели в темноте, словно перевязь комиссара. Все было очень просто: она уже раз двадцать ускользала от зубов правосудия, но ни разу в жизни ей не приходилось иметь дело с такой громадной собакой.

– Теперь, – сказал Сальватор, – поскольку ты – сообщница мсье де Вальженеза, только что арестованного за похищение и содержание в неволе несовершеннолетней девушки, а это пре-

ступление предусмотрено в уголовном кодексе, я арестовываю тебя и запираю в этой комнате, где завтра тебя допросит господин королевский прокурор. Но только предупреждаю, чтобы тебе не пришла мысль сбежать отсюда, что я выставлю одного часового на лестнице, а другого внизу и отдам им приказ стрелять, если ты откроешь окно или дверь своей комнаты.

– *Иисус! Мария!* – снова повторила старуха, задрожав еще сильнее, чем в первый раз.

– Ты слышала?

– Да, мсье комиссар.

– Ну, тогда – спокойной ночи!

И, пропустив вперед генерала, он закрыл за собой дверь на два оборота.

– Заверяю вас, генерал, – добавил Сальватор, – что она отсюда не двинется и что у нас впереди есть целая ночь.

А затем, обращаясь к псу:

– В путь, Брезил! – сказал он. – Мы выполнили всего лишь половину нашей задачи.

Глава XXXVI

Разговоры по поводу человека и лошади

Мы расстанемся с Сальватором и генералом на крыльце замка в тот самый момент, когда они вслед за Брезилем направляются к пруду. Потому что следовать за ними значило бы, и мы это прекрасно понимаем, возвращаться той дорогой, по которой мы уже прошли.

Давайте сначала посмотрим, что происходит с Жюстеном и Миной. И это, естественно, вернет нас к господину Лоредану де Вальженезу.

Услышав пистолетный выстрел, Жюстен и Мина, уже пробежавшие несколько шагов по полю, остановились, как вкопанные. И пока Мина, упав на колени, молила Бога о том, чтобы он пощадил Сальватора, Жюстен, ухватившись за стену, слышал, чем закончилась схватка, и понял, что Лоредан был взят в плен.

И молодые люди смогли затем увидеть издали, как двое могикан уводили коня, на котором лежал господин де Вальженез. Они бросились в объятия друг друга, словно, заслышав издали звук грома, увидели в сотне шагов от себя вспышку молнии.

Склонив головы, словно в знак благодарности, они, в перерывах между двумя поцелуями произнесли имя Сальватора, а затем побежали вперед по узкой тропинке, на которую старались ступить так, чтобы не раздавить васильки. Они свято чтити эти полевые цветы, поскольку однажды ночью Жюстен именно посреди поля, заросшего васильками и маками, нашел Мину, заснувшую под бдительным взором луны, и она в тот момент напоминала маленькую фею урожая.

Добежав до более широкой тропинки, они смогли взяться за руки и продолжить движение вместе. Спустя несколько минут они достигли рощицы, в которой была спрятана коляска.

Бернар узнал Жюстена. А увидев, что тот был с девушкой, начал понимать смысл драмы, в которой ему суждено было сыграть чуть ли не решающую роль. И он почтительно снял украшенную лентами шляпу. Когда девушка и ее любимый уселись в коляску, ямщик сделал тот снисходительный жест, который означал: «И куда же мы теперь поедем?»

– Северная дорога! – ответил Жюстен.

Бернар направил лошадей по той же дороге, по которой только что приехал. И вскоре коляска скрылась на Парижской дороге, по которой следовало проехать, чтобы достичь заставы Фонтенбло, и дальше вплоть до заставы Вильет.

Давайте пожелаем нашим детям счастливого пути, оставим их сердца наполненными всеми возможными радостями и горестями и вернемся к нашему пленнику.

Стражников не остановило то, что надо было ввести господина де Вальженеза в хижину: главным препятствием было ввести туда его лошадь!

Хижина состояла из одного этажа, была пятнадцать метров шириной, не считая коновязи. Для трех человек и одной лошади места явно не хватало.

– Черт возьми! – сказал Жан Торо. – Об этом мы как-то не подумали!

– Мсье Сальватор – тоже, – сказал Туссен.

– Дурень! – произнес Жан Торо. – Да как же он мог это предвидеть?

– Как? Да разве он не все предвидит?

– Ну, коли он этого не предвидел, то об этом должны подумать мы сами, – продолжил Жан Торо.

– Давай подумаем, – сказал Туссен.

И они принялись думать. Но сообразительность не была самым сильным местом этих добрых людей.

После минуты размышлений Жан Торо сказал:

– А ведь здесь неподалеку река.
– Что? Здесь рядом есть река? – воскликнул Туссен Лувертюр.
– Да, черт возьми!
– И что же ты предлагаешь? Утопить лошадь?
– Подумаешь, – лошадь плохого человека! – сказал с неприязнью Жан Торо.
– Но лошадь даже очень плохого человека может быть вполне приличным животным! – напыщенно произнес Туссен Лувертюр.

– И правда... Что же делать?
– А не отвести ли нам ее в *«Божью благодать»*?
– Ну и дурень же ты! Даже для овернца!
– Ты так считаешь?
– Да пойми же ты: если хозяин *«Божьей благодати»* увидит, что Туссен Лувертюр или Жан Торо приведут к нему лошадь, он непременно спросит, кто же хозяин этой лошади... И что же ты ему ответишь? Ну, говори же? Если ты сможешь что-то ему сказать, бери лошадь и веди ее в *«Божью благодать»*.

Туссен покачал головой.

– Мне нечего ему сказать, – сказал он.

– Тогда умолкни.

– Именно это я и делаю!

И Туссен замолчал.

Снова наступило молчание. По прошествии минуты Жан Торо заговорил первым.

– Слушай, а не хочешь сделать одну вещь? – сказал он Туссену.

– Конечно, хочу, если это можно сделать.

– Но для этого мы должны войти в дом.

– Давай войдем.

– Когда мы в него войдем, я отвечаю за все.

– Да ведь и я за все в ответе, черт возьми! Но единственное, что нам мешает, – это его лошадь!

– Ну, меня-то это не смущает.

– Так, значит, тебя смущаю я!

– Когда мы войдем в дом, то лошадью займешься ты!

– Ладно, займусь!.. Нет, как же я могу ею заняться, если не знаю, что с ней делать?

– Слушай!.. Ты возьмешь лошадь и отведешь ее...

– Куда?

– В замок Вири, понял?

– Слушай, а это – дельная мысль!

– Ты бы до этого не додумался! – сказал Жан Торо, гордый тем, что эта мысль пришла ему в голову.

– Нет, конечно.

– Ну, как тебе нравится моя мысль?

– Она великолепна!

– Тогда давай отвяжем его хозяина, – сказал Жан Торо.

– Давай отвяжем, – ответил Туссен Лувертюр, во всем согласный со своим приятелем.

– Нет!

– Тогда не будем отвязывать его!

– Да нет же, отвязать надо!

– А, я тебя не понимаю, – сказал Туссен Лувертюр, сбиваясь на свое овернское наречие.

– А что тебе, черт возьми, не понятно?

– Да что делать-то?

– Для начала придержи-ка лошадь.
– Держу.
– Вот ты говоришь: «Давай отвяжем хозяина». Хорошо! Но если мы будем этим заниматься вместе, никто не будет держать лошадь.
– И то верно.
– А когда мы отвяжем хозяина, лошадь сможет убежать.
– Опять верно.
– Тогда мы отвязывать его не будем... Я отвяжу его сам, а ты в это время будешь держать коня.

– Понял! – сказал Туссен Лувертюр, хватая коня за удила.

Жан Торо подошел к иве, взял из дупла ключ и открыл дверь хижины. Затем, желая осмотреть ее, зажег фонарик.

Закончив все приготовления, он отвязал пленника и снял его с лошади, словно ребенок куклу.

– Теперь левое плечо вперед, марш! – сказал Жан Торо Туссену, занося графа в хижину.

Туссен не стал дожидаться повторения приказа и, прежде чем его приятель повернулся к нему спиной, вскочил на коня и помчался с такой скоростью, словно хотел завоевать первый приз Парижа на скачках.

Достигнув входной решетки замка, он увидел, что она заперта. Он уже приготовился перелезть через стену, но тут послышалось ворчание собаки и Брезил поставил обе передние лапы на стальную перекладину.

– Отлично! – сказал Туссен на своем овернском наречии, которое так не нравилось Жану Торо. – Если Роланд здесь, то, значит, и мсье Сальватор где-то неподалеку.

И действительно, вскоре он увидел вспышку света.

– А! – послышался чей-то голос. – Это ты, Туссен?

– Я, мсье Сальватор, я самый, – сказал Туссен с радостью. – Я привел вам лошадь.

– А ее хозяин?

– О, он в полной безопасности, поскольку находится в руках Жана Торо. Но в любом случае я сейчас же туда вернусь, будьте спокойны, мсье Сальватор! Четыре руки сохранят его в еще большей безопасности, чем две.

И, предоставив Сальватору возможность самому отвести лошадь на конюшню, Туссен, отдадим ему должное, ринулся назад с такой скоростью, что, если и не выиграл бы первое место на скачках, то вполне мог бы побороться за первое место в состязании ходоков.

Глава XXXVII

Где господин де Вальженез находится в опасности, а Жан Торо испытывает страх

Давайте посмотрим, что происходит в хижине на берегу реки, пока там отсутствует Гуссен.

Жан Торо, введя, или, точнее, втащив Лоредана де Вальженеза в комнату, уложил его на время, связанного, словно мумия, на стоявший посреди комнаты длинный стол из орехового дерева. Этот стол и находившаяся в некоем подобии алькова кровать являлись основными предметами мебелировки.

Лежа на столе, скрюченный и неподвижный, господин де Вальженез очень напоминал труп, приготовленный к вскрытию в анатомическом театре.

– Не волнуйтесь, дворянчик, – сказал Жан Торо. – Сейчас я закрою дверь, найду пододвигающее вам место и дам вам немножечко свободы.

Говоря это, Жан Торо запер дверь и принялся подыскивать, как он сам выразился, достойное место для своего знатного пленника.

Господин де Вальженез не отвечал. Но Жан Торо не обращал ни малейшего внимания на его молчание, находя его вполне естественным.

И продолжал:

– Честное слово, молодой господин, – сказал он, пододвигая ногой грустно стоявший в уголке комнаты табурет со сломанной ножкой, – здесь не Тюильри, и придется вам довольствоваться тем, что есть.

Придвинув табурет к стене, он подложил под короткую ножку пробку, как обычно наращивают каблук башмака, чтобы удлинить ногу, и вернулся к по-прежнему неподвижно лежащему на столе пленнику.

Для начала он вынул у него изо рта кляп.

– Вот так! – сказал он. – Теперь вы сможете свободно дышать!

Но к огромному удивлению Жана Торо, граф не издал того громкого вздоха, который обычно вырывается у любого человека, который получает возможность свободно дышать или по крайней мере свободно говорить.

– Что случилось, дворянчик? – спросил плотник так нежно, как только мог.

Лоредан ничего не ответил.

– Мы обижены, да, господин граф? – продолжал Жан Торо, начиная развязывать ему руки.

Пленник упрямо продолжал хранить молчание.

– Хочешь притворяться мертвым – притворяйся, воля твоя, – продолжал Жан Торо, полностью освободив руки от веревок.

Руки графа безвольно свисли вдоль туловища.

– Так! А теперь я попрошу вас встать, монсеньор!

Господин де Вальженез не сделал ни малейшего движения.

– Ах, так! – сказал Жан Торо. – Уж не полагаете ли вы по случаю, что я буду водить вас на помочах, словно кормилица малого ребенка? Нет уж, спасибо! Я уже достаточно поработал сегодня вечером.

Граф не подавал ни малейших признаков жизни.

Жан Торо остановился и посмотрел на пленника, продолжавшего неподвижно и молчаливо сидеть в тени.

– Черт! Черт! – сказал он, обеспокоенный этим упорным молчанием. – Вы, видно, хотите заставить потрудиться своего приятеля Жана Торо?

Взяв фонарь, он поднес его к лицу господина де Вальженеза.

Глаза молодого человека были закрыты, лицо – смертельно бледным. На лбу выступили капельки холодного пота.

– Ну и дела! – сказал Жан Торо. – Я тут вкалываю, а он потеет... Станный господин, однако!

Но тут, заметив смертельную бледность лица графа, он прошептал:

– Честное слово, боюсь, как бы он не помер!

И Жан Торо принялся энергично тормошить и трясти своего пленника.

Тот мотал головой, словно труп.

– Дьявольщина! – воскликнул Жан Торо, растерянно посмотрев на графа. – Дьявольщина! Уж не задушили ли мы его случайно?.. Ну, и ладно! Мсье Сальватор будет доволен! Что за гнусный человек! У этих богачей вечно все не как у нормальных людей!

Жан Торо обвел глазами комнату и заметил в углу огромный кувшин с водой.

– А! – сказал он. – Вот это-то мне и нужно!

Взяв кувшин, он установил его на стоявшую рядом со столом стремянку и наклонил таким образом, что тонкая струйка воды, выливавшаяся из кувшина, падала с высоты пяти-шести футов на лицо господина де Вальженеза.

Первые капли, упавшие на лицо графа, казалось, не произвели на того никакого действия. Но потом все переменялось.

От контакта с льющей на голову холодной водой господин де Вальженез издал стон. Этот стон очень обрадовал Жана Торо, лоб которого тоже к тому времени покрылся капельками пота.

– Ага, черт возьми! – вскричал он и с таким шумом выдохнул, словно с груди его сняли камень весом в пятьсот фунтов. – Вы меня совсем было перепугали, хозяин, можете этим гордиться!

Спустившись со стремянки, он поставил кувшин на место и подошел к пленнику.

– Итак, – сказал он с игривым видом, который вернулся к нему сразу же после того, как он убедился в том, что граф жив, – мы только что приняли небольшой душик? Теперь у вас все должно быть в порядке, дворянчик.

– Где я? – спросил Лоредан слабым голосом, как это обычно, сам не знаю почему, спрашивают после обморока все люди, которые приходят в сознание.

– Вы находитесь в комнате преданного вам друга, – ответил Жан Торо, развязывая веревку, стягивающую ноги пленника. – И если соизволите спуститься с пьедестала и сесть, можете чувствовать себя здесь, как дома.

Господин де Вальженез не заставил просить себя дважды: соскользнув со стола, он встал на ноги. Но затекшие ноги плохо держали его, и он покачнулся.

Жан Торо подхватил его, не дав упасть, и подвел к прислоненному к стене табурету.

– Вот так! Здесь вам удобно? – спросил Жан Торо, присев на корточки для того, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с лицом господина де Вальженеза.

– А теперь скажите, – презрительно произнес граф, – что вы хотите со мной сделать?

– Мы составим вам с моим временно отсутствующим приятелем очень теплую компанию.

Приятеля нет уже четверть часа, но он скоро придет.

В этот самый момент послышался условный стук в дверь.

Жан Торо узнал этот стук и открыл дверь. Показавшийся на пороге Туссен Лувертюр, на черном лице которого были видны белые пятна – следы капель пота, – показался господину де Вальженезу индейцем с татуированным лицом.

– Всё в порядке? – спросил приятеля Жан Торо.

– Всё в порядке, – ответил Туссен.

И, повернувшись к господину де Вальженезу, добавил:

– Привет честной компании!

А затем спросил у Жана Торо:

– А что это он такой мокрый?

– О, пустяки! – ответил Жан Торо, пожимая плечами. – Пока тебя не было, я тут окропил этого благородного человека.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил ничего не понявший Туссен.

– Я хочу сказать, что мсье стало дурно, – презрительно ответил Жан Торо.

– Плохо? – переспросил Туссен недоуменно.

– Да.

– А в честь какого святого ты его окропил? И почему ему стало плохо?

– Вроде бы от нехорошего кляпа, которым мы заткнули ему рот.

– Невероятно! – произнес угольщик.

А тем временем господин де Вальженез пристально разглядывал стоявших перед ним людей. Видимо, результат осмотра был малоутешительным, поскольку он хотел было что-то сказать, но закрыл рот, не произнеся ни звука.

И действительно, выражение лиц Туссена и Жана Торо было малопривлекательным. И если у господина де Вальженеза и шевельнулась мысль о побеге, один только вид стоявшего перед ним гиганта должен был заставить его отказаться от столь опасной затеи.

И посему он ограничился тем, что опустил голову и ушел в свои размышления.

Глава XXXVIII

Местное вино

А пока граф пребывал в раздумьях, Жан Торо подошел к шкафу, открыл его, достал бутылку и два стакана и поставил все это на стол. Но, вспомнив, что их трое, он сделал еще одну ходку к шкафу и принес третий стакан. Но прежде чем поставить его на стол, он вымыл его, тщательно вытер и сполоснул. И только потом поставил его на стол перед господином де Вальженезом. Так, что тот мог дотянуться до него рукой.

Потом сделал Туссену Лувертюру знак сесть за стол, сел сам и, поднеся бутылку к стакану пленника, сказал со всей вежливостью, на которую был способен:

– Дворянин, мы – ваши тюремщики, но никоим образом не палачи. Вы, вероятно, так же как и мы, хотите пить. Не соизволите ли выпить стакан вина?

– Спасибо! – лаконично ответил господин де Вальженез.

– Ломаться не будем, молодой хозяин? – продолжал Жан Торо, по-прежнему держа бутылку над стаканом графа.

– Спасибо! – снова кротко, но еще более сухо, чем в первый раз, ответил господин де Вальженез.

– Как будет угодно, мсье! – произнес Жан Торо тем тоном, который появлялся у него, когда его неприятно задевали.

Затем, вместо того, чтобы наполнить стакан графа, он налил вина в стакан Туссена.

– За твоё здоровье, Туссен! – сказал он.

– За твоё, Жан! – ответил тот.

– И пусть сдохнут все злые люди!

– Пусть живут люди добрые!

Пленник вздрогнул, услышав этот энергичный тост, который произнесли эти двое на все готовых мужчин.

Жан Торо выпил свой стакан одним махом. Стукнув стаканом по столу, сказал:

– Честное слово, это как нельзя кстати... Я так хотел пить.

– И я – тоже, – подтвердил Туссен, повторяя движение приятеля.

– Еще по одной, Туссен!

– Еще по одной, Жан!

И они, не произнеся никакого тоста, залпом осушили свои стаканы.

Эта быстрота поглощения спиртного навела господина де Вальженеза на мысль.

И он стал ждать удобного случая для того, чтобы воплотить эту мысль в жизнь. Случай этот представился весьма скоро.

Жан Торо повернулся к пленнику и, решив, что лицо того стало чуть менее замкнутым, сказал, отходчивый, как все сильные люди:

– Зря вы сердчаете. Я снова и в последний раз предлагаю вам, дворянчик, оказать мне честь выпить стакан вина. Не соизволите ли снизойти?

– Вы так любезно предлагаете, мсье, – ответил граф, – что мне стыдно за то, что я отказался в первый раз.

– Ничего: еще все можно исправить. Пока еще в бутылке есть вино, а в шкафу таких бутылок несколько, мы можем все исправить.

– В таком случае, – сказал граф, – я согласен выпить!

– И слава богу, хозяин! – сказал Жан Торо с облегчением, наполняя стакан графа до краев.

Затем, обращаясь к своему приятелю, произнес:

– Давай другую бутылку, Туссен!

Угольщик пошел к шкафу и принес вторую бутылку.

Жан Торо взял ее в руки. Опасаясь, что прольет вино, он наполнил сначала оба пустых стакана.

Затем, взяв свой стакан и сделав Туссену знак последовать его примеру, сказал:

– За ваше здоровье, господин граф!

– За ваше здоровье, хозяин! – повторил Туссен.

– За ваше здоровье, господа! – произнес Лоредан, с видимым усилием произнося слово *господа*, обращаясь к обоим могикианам.

После этого тоста все трое опорожнили свои стаканы. Жан Торо и Туссен сделали это махом, господин де Вальженез выпил медленно, в три или четыре глотка.

– Дьявольщина, – сказал Жан Торо, щелкнув языком. – Я не хочу сказать, что это вино имеет большую выдержку, но вы ведь знаете пословицу: «Самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет!»

– Прошу прощения, – сказал Лоредан, сделав видимое усилие над собой для того, чтобы поддержать разговор, а особенно для того, чтобы опорожнить свой стакан. – Вино совсем не плохое. Это что, местное?

– Конечно, вино – местное! – воскликнул Туссен Лувертюр, – можно подумать, что есть не местное вино!

– Мой милый друг, – заметил Жан Торо, – есть вино, которое производится в Париже. Но это совсем не то, что имел честь сказать нам господин граф. Понятие *местное вино* означает, что оно изготовлено из урожая, собранного именно в этой местности.

– Это значит – вино этого края, чтобы было понятнее, друг мой, – снисходительно произнес молодой человек.

– Ну, что касается данной местности, – сказал Жан Торо, – оно местное и краснеть за это не приходится.

– Я тоже так считаю, – хмыкнул Туссен Лувертюр, понявший шутку своего друга Жана Торо, – поскольку это вино – белое!

– Добавлю при этом, – продолжил столяр, – что мне хочется сказать тост, а за этот тост нам следует выпить!

– Я присоединяюсь к тосту моего друга, – сказал Туссен Лувертюр, склоняя голову. – Но не перед графом, а перед Божеством, в честь которого произносился этот тост.

– Я достаточно его выпил, чтобы у меня сложилось свое мнение о нем, – сказал господин де Вальженез.

– Я вижу только одно это средство для того, чтобы провести весело те несколько часов, которые нам надо пробыть здесь вместе, – сказал пленник, – и если такое времяпровождение вас устраивает, я к вашим услугам.

– Вы это серьезно? – спросил Жан Торо, поворачиваясь к графу.

– В этом вы сами сможете убедиться, – решительно ответил господин де Вальженез.

– Bravo! – воскликнул Туссен. – Вот такие пленники мне по душе!

Жан Торо пошел к шкафу и вернулся вооруженный или украшенный, как вам будет угодно, восемью бутылками.

Лоредан улыбнулся, увидев, что оба могикианина так наивно попались в приготовленную им ловушку. Что это была за ловушка, наши читатели уже, очевидно, догадались.

И действительно, это был довольно ловкий прием: не составляло никакого труда напоить этих двух так любящих выпить мужчин. Надо было только, чтобы они напились до такого состояния, что перестали бы соображать. И это было совсем не трудно сделать.

Лоредан, приняв такое решение, смело взялся за стакан и выпил его так грациозно, как только смог.

Вскоре они опорожнили две бутылки. Господину де Вальженезу так понравилось вино, что он предложил открыть еще парочку бутылок.

– А вы довольно отчаянный человек, приятель! – сказал на это Жан Торо, видя, что пленник пьет наравне с ним, и начиная считать графа ровней и чуть ли не приятелем.

– Черт возьми, каждый пьет, как может, – ответил Вальженез, придав лицу простодушное выражение.

– И все же будьте поосторожнее, дворянчик, – заметил Жан Торо. – Это вино – очень коварная штука.

– Вы так полагаете? – с сомнением спросил пленник.

– Я-то знаю! – сказал Туссен Лувертюр, подняв руку, словно он произносил присягу. – Когда я один раз выпил три бутылки, – привет честной компании! Меня больше не было!

– Ба! – произнес Вальженез все с тем же недоверчивым видом. – Оно свалило такого молодца, как вы?

– Даю вам честное слово, что именно так оно и было... – ответил Туссен. – Я могу выпить три, ну, три с половиной бутылки. Жан Торо, он – гигант. Он выпьет четыре. Но на последнем стакане – опа! – крыша начинает ехать, приятель начинает злиться и крошить всех направо и налево! Ведь правда, Жан?

– Да, так говорят, – скромно ответил гигант.

– А ты это доказываешь.

Последнее признание дало господину де Вальженезу очень ценные сведения, и перед пленником забрезжила такая реальная надежда скрыться, что он, увидев, как была открыта седьмая бутылка, накрыл свой стакан ладонью и сказал:

– Спасибо! С меня достаточно.

Жан Торо отвел бутылку в сторону и пристально посмотрел на господина де Вальженеза.

Глава XXXIX

В которой господин де Вальженез прямо говорит, что не умеет ни петь, ни плясать

Во взгляде Жана Торо было то свирепое выражение, которое появляется у некоторых людей, когда те начинают хмелеть.

– А? – сказал он. – С вас достаточно?

– Да, – ответил Лоредан. – Мне больше пить не хочется.

– Вот это здорово! Можно подумать, что люди пьют вино только тогда, когда им просто хочется пить, – сказал Туссен. – Да если бы мы всегда пили только потому, что нам хочется пить, мы больше одной-двух бутылок не выпивали бы.

– Туссен, – сказал Жан Торо, – мне кажется, что мсье не знает всем хорошо известную пословицу!

– Какую же? – спросил Лоредан.

– «Когда пробка вынута, вино следует выпить...» А поскольку мы эту бутылку уже открыли...

– То что тогда? – произнес Лоредан.

– А то, что ее следует выпить!

Лоредан протянул свой стакан.

Жан Торо наполнил его.

– Теперь тебе, – сказал он, поворачивая горлышко бутылки в направлении своего приятеля, подобно тому, как пушкарь разворачивает свое орудие в ту сторону, куда он хочет выстрелить.

– Я-то с радостью! – сказал Туссен, позабыв, что у него был очень волнительный день и что этот последний стакан не только будет лишним, но выведет его из нормального состояния.

И, быстро опорожнив свой стакан, он затянул уж не знаю какую застольную песню, в которой никто из присутствующих не смог понять ни единого слова, поскольку он пел на своем ужасном овернском наречии.

– Умолкни! – сказал Жан Торо, не имея сил дослушать первый куплет.

– Почему это – умолкни? – спросил Туссен.

– Потому что такое, возможно, и очень любят в центре Оверни, но никак не в Париже и его пригородах.

– Но это же *отличная песня!* – сказал Туссен.

– Может быть, но мне нравится другая... Мне, к примеру, больше по нраву та песня, которую сейчас споет нам господин граф.

– Которую я сейчас спою? – спросил Лоредан.

– Ну конечно! Вы, должно быть, знаете много *отличных песен*, как говорит мой приятель Туссен Лувертюр.

И Жан Торо захохотал тем безумным смехом, который является первым признаком наступающего опьянения.

– Вы ошибаетесь, мсье, – холодно сказал Вальженез, – я не знаю ни одной песни.

– Неужели не знаете ни одной застольной песенки? – спросил Жан Торо.

– А ведь за столом не только поют и пьют! – сказал Туссен. – Я вот теперь предпочел бы не пить, а есть. Тем более что я очень проголодался.

– Так мы готовы спеть, приятель? – спросил Жан Торо, готовясь хлопать в ладоши.

– Клянусь вам, что я не только не знаю ни одной песни, – сказал господин де Вальженез, слегка напуганный тоном, которым Жан Торо повторил свою просьбу, – но и петь-то вовсе не умею.

– *Вы не умеете петь?* – произнес Туссен, который, восприняв критику приятеля за то, что говорит на овернском наречии, стал стараться исправиться и начал говорить, как негр. – *Я вам не верить!*

– Я еще раз вам говорю, что петь я не умею, – снова повторил Лоредан. – И весьма об этом сожалею, поскольку очень бы хотел доставить вам удовольствие. Но это – превыше моих сил.

– Какая досада! – произнес Жан Торо с юмором. – Ведь вы могли бы сами поразвлечься и меня повеселить.

– Я тем более об этом сожалею, – ответил Вальженез.

– А! – произнес Туссен.

– Что такое?

– У меня есть идея!

– Молчи!

– Но у меня есть неплохая идея! – настаивал Туссен.

– Ну, тогда скажи, что придумал!

– Коли этот молодой господин не знает песен или не умеет петь, – продолжал Туссен, не обращая внимания на сарказм приятеля, – он должен уметь плясать, не правда ли, друг Жан?

И затем, повернувшись к Лоредану, сказал пьяным голосом:

– Не хотите ли сплясать нам что-нибудь, господин граф?

– Что! Вы хотите, чтобы я сплясал вам что-нибудь? – произнес Вальженез. – Да вы с ума сошли!

– Почему это я сошел с ума? – спросил Туссен.

– Да разве люди пляшут просто так, без повода?

– Ладно! – сказал Туссен. – Без повода люди не пляшут. Они пляшут ради того, чтобы поплясать. Когда я жил у себя на родине, мы постоянно плясали!

– Вы плясали буррэ? – спросил Лоредан.

– Да, буррэ... А вы случаем не хотите ли сплясать буррэ?

– Нет. Я буррэ сплясать не хочу, поскольку плясать не умею вовсе.

– Да я и не прошу вас сплясать именно это, – снова продолжил Туссен. – Пляшите гавот, если хотите. Но хоть что-нибудь нам спляшите. Жан, ведь правда, господин граф должен нам что-нибудь сплясать?

– Я с удовольствием посмотрел бы, как господин граф пляшет...

– Слышали, почтенный?

– Но...

– Дайте же вашему другу закончить мысль. Вы же слышали, что он произнес *но*, – сказал Лоредан.

– Но, – продолжал Жан Торо, – для того, чтобы плясать, должна быть музыка!

– Естественно! И мсье Жан Торо прав! – воскликнул Вальженез, подумав, что если гигант поддержит идею своего напарника, ему, графу, придется станцевать коленце для того, чтобы умиловить обоих могикан.

– А что, музыку трудно изобразить, что ли? – произнес Туссен, ставший от выпитого вина упрямым и очень находчивым.

– Не знаю, трудно это или нет, – наивно сказал Жан Торо. – Но лично я ни разу в жизни и не пытался это сделать. Однако я полагаю, что для того, чтобы была музыка, нужен какой-то музыкальный инструмент. Не так ли, мсье граф?

– Совершенно справедливо! – сказал Лоредан, пожимая плечами.

– Что?! Инструмент? – переспросил Туссен. – Да у любого из нас есть такой инструмент!

И, сказав это, Туссен сложил свою черную ладонь в форме дудки, мундштук которой был образован большим пальцем. Затем, приложив этот мундштук к губам, он принялся мурлыкать мотив песни «Король Дагобер».

После чего, обернувшись к Жану Торо, сказал:

– Разве это – не прекрасный инструмент?

– Хороший, – ответил Жан Торо, упорствуя в своем мнении, – но он скорее годится для охоты, а не для плясок.

– И то верно, – ответил на это Туссен, всегда охотно соглашавшийся со справедливыми замечаниями. – Тогда, коль скоро мы не можем ни петь, ни танцевать, давайте пить!

– Вот это правильно! – поспешил поддержать его господин де Вальженез. – Давайте лучше пить!

Но сказал он это слишком поспешно, и в его словах явно прозвучало желание не выпить самому, а заставить напиться приятелей. Жан Торо подозрительно взглянул на него, не понимая еще, следует отметить, плана господина де Вальженеза. Поскольку этот молодец и представить не мог, что вино иногда становится отравой. Но он все же почуял какую-то опасность и, ставя на стол бутылку, которую уже держал, чтобы наполнить стакан Туссена, сказал:

– Нет, тебе уже хватит, Туссен!

– О, вина никогда не хватает, друг мой Жан.

– Вообще-то это правильно, – сказал плотник. – Но сегодня это не так.

– Однако, – возразил пленник, – вы же сами стали угощать меня. А я хочу выпить еще.

– Вы, мой благородный, – снова заговорил Жан Торо, – совсем другое дело. Вы можете упиться, если есть такое намерение... Я ведь вам уже сказал, что в шкафу стоит еще бутылок сорок. Давайте ваш стакан!

Лоредан протянул стакан, и Жан Торо наполнил его на две трети. Потом он поставил бутылку на стол.

– А вы?.. – спросил господин де Вальженез.

– Я? – переспросил Жан Торо. – Я выпил уже достаточно. Туссен вам уже сказал, что если я выпью лишнего, то становлюсь сердитым. Он прав, и я больше пить не стану.

– Давайте выпьем еще стаканчик со мной, – сказал Вальженез, сделав вид, что не понимает причин умеренности Жана Торо, хотя на самом-то деле все прекрасно понял.

– Вы этого хотите? – спросил столяр, пристально взглянув на него.

– Хочу.

– Ладно, – сказал гигант, наливая новый стакан вина.

– А мне? – спросил Туссен.

– А ты – нет!.. – грубо отрезал Жан Торо.

– Почему я – нет?

– Потому что я решил, что ты больше пить не будешь.

Туссен что-то угрюмо проворчал, отступил от стола на пару шагов, но настаивать не стал.

А Жан Торо, поднеся свой стакан к губам, произнес:

– За ваше здоровье!

– За ваше! – ответил господин де Вальженез.

Стакан Жана Торо не был полным, и он смог через стекло наблюдать за пленником. Он увидел, что тот обхватил свой ладонью, быстро поднес к губам и поставил на стол, сделав какое-то необычное движение.

В это же самое время плотник почувствовал, как ноги его стали мокрыми, словно он наступил в лужу.

Приподняв ногу, он ощупал ее рукой: ботинок промок насквозь.

Тогда он взял лампу и осветил пол. Затем, поставив ее назад на стол, сказал, замахиваясь на пленника своим огромным кулаком:

– Должен признать, что вы порядочный негодяй!

Туссен Лувертюр бросился вперед и схватил плотника за запястья рук.

– Ага! – сказал он. – Я ведь вас предупреждал, что вино на него плохо действует... Вы мне не поверили! А теперь выпутывайтесь, как можете.

Глава XL

В которой у Жана Торо и Туссена Лувертюра появляется возможность сколотить состояние, но они ею не воспользуются

Господин де Вальженез уже приготовился обороняться: взяв по бутылке в каждую руку, он выжидал момента, когда Жан Торо приблизится к нему настолько, что он сможет разбить эти бутылки об его голову.

Жан Торо нагнулся, схватил табурет за ножку и сделал шаг в направлении господина де Вальженеза.

– Да что он такого сделал? – спросил Туссен.

– А ты взгляни под стол, – сказал Жан Торо.

Туссен взял лампу и посмотрел.

– Ай! – сказал он, увидев потемневший от белого вина кирпич, – это кровь?!

– Кровь? – сказал Жан Торо. – Если бы это была кровь, то было бы не так обидно: поешь хлеба, и кровь восстановится. Но вино-то делается только из винограда! А в этом году все виноградники побилло заморозками!

– Как? Он вылил на пол вино? – вскричал возмущенной Туссен.

– Вот именно!

– Ну, в таком случае он, как ты сказал, – негодяй! Врежь ему!

– Я только и ждал твоего разрешения, Туссен, – сказал Жан Торо, вытирая рукавом вспотевший от гнева лоб.

– Слушайте, если вы приблизитесь ко мне еще на шаг, я размозжу вам голову, – сказал Вальженез.

– Ах, вам недостаточно того, что вы проливаете вино! Вы еще хотите разбить бутылки? – сказал Жан Торо. – Ведь вы собираетесь разбить бутылки, а не мою голову, я вас предупреждаю!

– Ну, врежь же ему, Жан! – крикнул Туссен. – Ну чего ты ждешь?

– Я одумался, – сказал Жан Торо. – И надеюсь, что господин граф тоже одумается.

А затем добавил совершенно спокойным тоном:

– Не так ли, мсье де Вальженез? Вы ведь оставите в покое бутылки, а?

Господин де Вальженез нахмурил брови. В душе его шла страшная борьба между гордостью и разумом.

– Ну, – спросил Жан Торо, – оставим бутылки в покое? Или не оставим?

– О, Жан, – завопил Туссен, – я тебя не узнаю!

– Поставьте бутылки на место! Ну! – продолжал Жан Торо. – Раз, два... Берегитесь, на счет три я ударю вас по башке!

Лоредан опустил руки и аккуратно поставил бутылки на полку камина.

– Вот так-то! А теперь давайте сядем на место.

Лоредан подумал, вероятно, что единственный способ утихомирить этого дикого зверя заключался в том, чтобы не сердить его. И поэтому молча, как и в первый раз, исполнил второй приказ.

Затем, поскольку в голове его родился уже новый план, он решил воспользоваться одним средством, которое давало ему больше шансов, чем простая грубая сила.

– Друг мой Туссен, – сказал Жан Торо, – отнеси-ка эти две бутылки в шкаф и запри его на ключ. Их не следовало оттуда доставать.

Туссен сделал так, как его просили.

– А теперь, господин граф, – снова произнес Жан Торо, – признайтесь мне в одной вещи...

– В чем же? – спросил граф.

– Вы ведь хотели напоить нас до такой степени, чтобы мы потеряли соображение, и воспользоваться нашим опьянением для того, чтобы сбежать, не так ли?

– Ведь вы же воспользовались своей силой для того, чтобы схватить меня, – довольно логично ответил граф.

– Силой – да. Но мы не прибегали к хитрости. Мы ведь с вами не пили вначале для того, чтобы потом вас обмануть. Когда люди вместе пьют, этого делать никак нельзя!

– Признаю, что я был неправ, – сказал Вальженез.

– Вылить на пол вино! – вставил слово Туссен. – Божий дар!

– Поскольку господин граф признал свою ошибку, – сказал Жан Торо, – не будем об этом больше говорить.

– Тогда о чем же мы будем говорить? – грустно произнес угольщик. – Дело в том, что когда я не разговариваю и не пью, меня тянет в сон.

– Поспи, если тебя так тянет. Я-то спать ни капельки не хочу.

– В таком случае, – сказал Лоредан, – я могу найти тему для разговора.

– Вы очень любезны, господин граф, – ворчливо произнес Жан Торо.

– Вы показались мне приятными людьми... Может быть, немного более живыми, чем надо, – продолжал Лоредан. – Но в основе своей добрыми.

– Как же это вы догадались? – спросил Жан Торо, пожимая плечами.

– Мне нравятся такие молодцы, как вы, – продолжал граф.

– У вас хороший вкус! – сказал плотник все тем же тоном.

Туссен слушал этот разговор, сгорая от нетерпения узнать, куда же клонит пленник.

– Так вот, – снова заговорил тот, – если вы хотите...

И он замолчал.

– Если мы хотим?.. – повторил Жан Торо.

– Так вот, если вы хотите, – сказал Вальженез, – я мог бы дать вам денег.

– Черт побери! – сказал Туссен, наострив уши. – Денег? Давайте поговорим на эту тему.

– Помолчи, Туссен! – сказал Жан Торо. – Здесь говорю я, а ты – молчи!

Затем, обращаясь к Лоредану, спросил:

– Не хотите ли развить вашу мысль, молодой хозяин?

– Мысль моя очень проста, и я буду говорить без обиняков.

– Валяйте! – сказал Туссен.

– Я ведь тебе уже сказал, чтобы ты умолк, – снова ворчливо сказал Жан.

– Вы зарабатываете на жизнь своими руками, не так ли? – спросил граф.

– Конечно! Все, кроме лодырей, так и делают! – ответил Жан Торо.

– И сколько же вы зарабатываете в лучшие дни?

– День на день не приходится. Бывают и простои, – сказал Туссен. – Где-то по три франка в день.

– Да заткнись же, Туссен!

– Почему это я должен заткнуться? Господин граф спросил меня, сколько я зарабатываю, и я ему ответил.

– Три франка в день, – повторил граф, делая вид, что не замечает спора двух приятелей. – Это значит, по девятисто франков в месяц и по тысяче франков в год.

– И что же дальше? – спросил Жан Торо. – Это нам прекрасно известно.

– А то, что я предлагаю вам за один только вечер заработать столько же, сколько вы зарабатываете за двадцать пять лет.

– Двадцать пять тысяч франков? – воскликнул Туссен. – Вы шутите! Двадцать пять тысяч франков за один вечер – этого быть не может!

– Сами видите, – продолжал Вальженез, – что с такими деньгами вам есть на что жить, не работая. Потому что, положив свои двадцать пять тысяч под проценты, будете иметь по тысяче двести пятьдесят ливров ренты.

– И не работать! – повторил Туссен. – Слышишь, Жан? Не работать!

– А что же это я буду делать, если не буду работать? – наивно спросил Жан Торо.

– Вы будете делать то, что вам захочется: можете ходить на охоту... на рыбалку, если охота вам не нравится. Можете купить землю и работать на ней. Вы сможете делать все, что делают богатые люди, то, что делаю я сам.

– О, да! – с горечью произнес Жан Торо. – Я буду похищать шестнадцатилетних девушек у их женихов и у их родных! Вот развлечение для тех, кто не работает! Вот чем вы занимаетесь, господин граф!

– Ну, тогда вы будете делать то, что вам нравится. Но я предлагаю вам обоим пятьдесят тысяч франков: по двадцать пять тысяч на каждого.

– Двадцать пять тысяч франков! – снова повторил Туссен с горящими от вожделения глазами.

– Помолчи, Туссен! – суровым голосом сказал плотник.

– Двадцать пять тысяч франков, друг мой Жан, – повторил с нежностью в голосе угольщик.

– Ты получишь двадцать пять тумачков, если не замолчишь, Туссен.

– Пятьдесят тысяч франков на двоих. Деньги вы получите сегодня же вечером.

– Это целое состояние, Жан! Целое состояние! – пробормотал угольщик.

– Да умолкнешь ли ты, несчастный! – сказал Жан Торо, угрожающе замахиваясь на приятеля.

– Но ты хотя бы спроси у него, как мы можем заработать эти двадцать пять тысяч франков.

– Ладно, – сказал Жан Торо.

И, поворачиваясь к пленнику, спросил:

– Итак, господин граф, вы оказываете нам честь предложить каждому по двадцать пять тысяч франков? А не скажете ли мне, какую работу мы должны выполнить для того, чтобы заработать такую сумму?

– Я предлагаю вам такую сумму за мою свободу. Все очень просто.

– Ты слышал, Жан Торо? – спросил угольщик, толкая приятеля локтем в бок.

– Туссен, Туссен! – пробормотал Жан Торо, пронизывая своего приятеля взглядом.

– Молчу, молчу... Но ведь двадцать пять тысяч франков...

Плотник повернулся к графу.

– А с чего это вы взяли, что мы держим вас в неволе, дворянчик? – спросил он.

– Да потому, – ответил Вальженез, – что кто-то, как мне кажется, вам за это заплатил.

Жан Торо занес свою лапищу над Лореданом. Но потом, сделав усилие над собой, медленно опустил руку.

– Заплатил! – сказал плотник. – Только люди, подобные вам, господин граф, люди, которые покупают или продают честь других, могут платить за это деньги. Да, именно так поступают богатые люди, те, кто не работает. Они платят за то зло, которое не могут творить сами... Слушайте хорошенько, господин граф: будь вы в десять раз богаче, имей вы возможность предложить мне вместо двадцати пяти тысяч франков миллион за то, чтобы я отпустил вас хотя бы на минуту раньше указанного мне срока, я отказался бы с презрением, которое никак не меньше радости, какую я получаю оттого, что вы – мой пленник.

– Я предлагаю вам сто тысяч франков вместо пятидесяти, – лаконично произнес господин де Вальженез.

– Жан! Жан! – вскричал Туссен. – Ты слышишь? По пятьдесят тысяч на брата!

– Туссен, – продолжал плотник. – Я считал тебя честным малым. Еще слово, и ты мне больше не друг!

– Но послушай, Жан, – вкрадчиво сказал Туссен. – Ведь то, что я тебе говорю, пойдет на пользу не только мне, но и тебе!

– Как это – мне?

– Конечно! И тебе... И Фифине, и твоему ребенку!

При словах «И Фифине, и твоему ребенку» глаза Жана Торо стали метать молнии.

Он тут же схватил Туссена за шиворот и, потрясая его, словно лесоруб, трясущий дерево перед тем, как срубить, воскликнул:

– О! Да замолчишь ли ты когда-нибудь, несчастный!..

– А особенно будет счастлив твой ребенок, – продолжал Туссен, прекрасно знавший о том, что на эту тему он может говорить совершенно безнаказанно. – Ведь врач порекомендовал твоему ребенку жить в деревне.

Плотник вздрогнул и отпустил Туссена Лувертюра.

– У вас больная жена и хилый ребенок? – снова заговорил Вальженез. – Вы сможете восстановить их здоровье и все-таки колеблетесь?

– Нет же! Нет! – вскричал плотник. – Гром и молнии! Я не колеблюсь!

Туссен еле дышал. Господин де Вальженез затаил дыхание: было неясно, согласится ли Жан Торо или откажется от его предложения.

А тот посмотрел сначала на своего приятеля, а затем перевел взгляд на пленника.

– Так вы согласны? – спросил граф.

– Согласен? – с надеждой произнес Туссен.

Жан Торо торжественно поднял руку.

– Слушайте, – сказал он. – Клянусь Богом, который на небесах, который вознаграждает добрых людей и наказывает злых! Если кто-то из вас произнесет еще хотя бы одно слово на эту тему, я его задушу вот этими руками! А теперь попробуйте что-нибудь сказать, если у вас хватит смелости!

Жан Торо напрасно ждал ответа: двое других предпочли хранить молчание.

Глава XLI

В которой угрозы помогают не больше, чем подкуп

Наступило непродолжительное молчание, во время которого граф де Вальженез придумал новый план.

Безуспешно попытавшись сначала напоить до бесчувствия, затем подкупить обоих моги-кан, он решил их запугать.

– Если нам запрещено говорить о деньгах, – сказал он, обращаясь к Жану Торо, – может быть, поговорим о чем-нибудь другом?

– Говорите, – коротко ответил Жан Торо.

– Я знаю человека, который поручил вам меня стеречь.

– С чем вас и поздравляю, – сказал Жан Торо. – И желаю вам знать побольше таких людей, как он. Хотя, честно говоря, не думаю, что таких людей на свете много.

– Выйдя отсюда, – решительно продолжил господин де Вальженез, – ибо когда-нибудь я отсюда все-таки выйду, не так ли?..

– Это не исключено, – ответил плотник.

– Так вот, выйдя отсюда, я отправлюсь в полицию и оставлю там свою жалобу. И спустя час он будет арестован.

– Арестован? Мсье Сальватор – арестован? Ну вы даете! – произнес Жан Торо. – Да этого никогда не случится!

– Ага! Значит, его зовут Сальватор, – сказал Лоредан. – Под этим именем я его не знал!

– Под этим или другим, но я запрещаю вам заявлять в полицию на этого человека, поняли? Каким бы графом вы ни были!

– Вы мне запрещаете? Вы?..

– Да, я! Впрочем, он сам за себя сможет постоять.

– Посмотрим... Я добьюсь его ареста, а вы сами должны понимать, что, обратившись к помощи правосудия, я и вас обоих не забуду.

– Вы нас не забудете?

– Вы понимаете, что это грозит галерами.

– Галерами, да? – воскликнул Туссен Лувертюр, лицо которого побледнело под черной маской.

– Видишь, после того, как господин граф имел честь попытаться нас напоить, оскорбил попыткой подкупа, он теперь решил над нами подшутить! – сказал Жан Торо.

– Но это – шутка плохого рода, – заметил угольщик.

– Я даю вам слово Лоредана де Вальженеза, – сказал хладнокровно пленник, – что через два часа после того, как я выйду на свободу, вы трое будете арестованы.

– Ты слышал, Жан Торо? – произнес вполголоса Туссен. – Он явно не шутит.

– Все трое, повторяю: вы, мсье Туссен Лувертюр, угольщик, вы, мсье Жан Торо, плотник, и наконец, ваш главарь, мсье Сальватор.

– Вы пойдете на это? – спросил Бартеlemi, скрестив руки на груди и пристально глядя на пленника.

– Да, – горячо произнес граф, почувствовав, что наступил решающий момент и что он может проиграть все, показывая свою смелость и зная, что если покажет слабость, то проиграет в любом случае.

– И вы в этом клянетесь?

– Слово дворянина!

– И он это сделает, друг Жан! – вскричал Туссен.

Бартелеми Лелон покачал головой.

– А я заверяю тебя, что он этого не сделает, друг Туссен.

– Но почему, Жан?

– Да потому что мы сейчас лишим его возможности сделать это!

Теперь настала очередь графа вздрогнуть: он услышал, каким тоном были произнесены эти слова и увидел выражение лица плотника, на котором напрягся каждый мускул.

– Что ты этим хочешь сказать, Жан? – спросил Туссен.

– Ведь не так давно он лежал без сознания на вот этом столе...

– И что же?

– Ведь он мог не потерять на время сознание, а просто умереть.

– Дьявольщина, а ведь вполне могло случиться и так, – пробормотал со свойственной ему логикой Туссен, – что он мог бы и умереть, а не потерять сознание.

– И в этом случае смог бы он выдать нас и мсье Сальватора?

– Что за глупость! Если бы он умер, он уже никого не смог бы выдать!

– Ну, тогда, – мрачно сказал Жан Торо, – предположи, что мсье умер.

– Но, – сказал Вальженез, – я же жив!

– Вы в этом уверены? – сказал Жан Торо голосом, который заставил Вальженеза усомниться в том, что он жив.

– Мсье... – произнес граф.

– А вот я, – продолжал Жан Торо, – заявляю вам, что вы были так близки к смерти, что нет никакого смысла шутить по этому поводу.

– Ага! – произнес Лоредан. – Вы, значит, решили меня убить?

– Если вам это доставит удовольствие, – снова произнес Жан Торо, – я могу даже сказать вам, как я это сделаю.

– В таком случае, – сказал Лоредан, – вам галеры уже не грозят. Вы отправитесь прямо на эшафот.

– На эшафот... На эшафот!.. Жан, ты слышал? – промямлил Туссен.

– Ерунда! – сказал Жан. – На эшафот попадают только глупцы! Только люди, которые не принимают мер предосторожности. Но успокойтесь, господин граф, мы предпримем надлежащие шаги, и вы сможете в этом убедиться сами.

Граф ждал продолжения, храня на лице решительное выражение.

– Вот как все произойдет, господин граф, – продолжал плотник голосом, не выдававшим ни малейшего волнения. – Сейчас я снова засуну вам в рот кляп и свяжу, как в парке... Подайка невод, что висит на стене, Туссен...

Туссен подал приятелю сетку.

– Я отнесу вас к реке, – продолжал Жан Торо. – Там отвяжу одну из лодок. Мы проплывем два-три лье до того места, где глубина достигает пятнадцати футов. Там мы вас развяжем, вынем кляп, завернем в невод и сбросим в воду. Будьте уверены, что вы немедленно пойдете ко дну, поскольку я позабочусь о том, чтобы концы вашего плаща были привязаны к неводу! Мы подождем минут десять, а когда все будет кончено, мы приплывем назад, поставим лодку на место и вернемся сюда допивать пару бутылок. После чего возвратимся в Париж до наступления утра и разойдемся по домам, так, чтобы нас никто не увидел. А потом будем ждать.

– Ждать чего? – спросил граф, вытирая струившийся по лбу холодный пот.

– Новостей о господине де Вальженезе. Люди, которые умеют читать, – я, к сожалению, не вхожу в их число – прочтут в газетах следующее:

«В Сене был выловлен труп неизвестного молодого человека, который, судя по всему, утонул несколько дней тому назад. Очевидно, этот несчастный, несмотря на то что уже было несколько подобных случаев, попытался закинуть невод, будучи одетым в редингот, вместо

того чтобы принять меры предосторожности и надеть простую блузу: сеть зацепилась за пуговицы плаща, и он упал в реку. Несмотря на попытки спастись, он утонул, запутавшись в неводе.

В карманах его обнаружены часы и деньги. Это, а также присутствие на пальцах перстней, исключает версию убийства.

Труп доставлен в морг».

Неплохо все будет устроено, а?.. И думаете, кто-нибудь станет обвинять Жана Торо и Туссена Лувертюра, которые ни слухом ни духом не знают про убийство господина графа Лоредана де Вальженеза?

– Ах, черт возьми! – сказал Туссен. – Ну и умен же ты, Жан Торо! Не знал, что ты сможешь такое придумать!

– Так ты готов? – спросил Жан Торо.

– Конечно! – ответил угольщик.

– Видите, господин граф, – сказал Жан Торо. – Остается только получить ваше согласие. И шутка будет сыграна. Но, предупреждаю, что если вы согласия на это не дадите, мы обойдемся и без него.

– В воду! В воду его! – сказал Туссен.

Бартеlemi протянул ручищу в направлении графа. Тот стал пятиться, но, сделав два шага назад, ткнулся спиной в стену и вынужден был остановиться.

– Дальше хода нет: стена достаточно прочна, – сказал Бартеlemi. – Я уже проверял.

И, сделав два шага вперед, положил руку на плечо графа.

Это прикосновение произвело на графа де Вальженеза такое же действие, которое оказывает прикосновение палача на человека, приговоренного к смерти.

– Господа, – сказал Лоредан, стараясь из последних сил казаться спокойным. – Вы не сможете хладнокровно совершить подобное преступление. Вы знаете, что мертвые восстают из могилы для того, чтобы обвинить своих убийц.

– Да, но не со дна реки. И уж никак не в тех случаях, когда они запутываются в сети. Невод готов, Туссен?

– Да, – ответил тот. – Дело только за рыбкой.

Жан Торо протянул руку и взял с кровати брошенные туда веревки.

В одно мгновение руки Лоредана оказались за спиной и были связаны.

По четкости действий Жана Торо было видно, что тот принял решение и готов был неукоснительно исполнить задуманное.

– Господа, – сказал Лоредан. – Теперь речь уже не идет о том, чтобы дать мне сбежать. Речь идет о том, чтобы сохранить мне жизнь...

– Молчать! – сказал Жан Торо.

– Я обещаю вам сто тысяч франков, если...

Закончить фразу граф не успел по той простой причине, что во рту его снова оказался все тот же носовой платок.

– Сто тысяч франков, – простонал Туссен, – сто тысяч франков...

– Да откуда он возьмет эти сто тысяч франков? – сказал Жан Торо, пожимая плечами.

Не имея возможности ничего сказать, пленник стал знаками показывать, что надо было поискать их в карманах его одежды.

Жан Торо протянул руку и двумя пальцами вынул из кармана господина де Вальженеза бумажник, битком набитый деньгами.

Приставив господина де Вальженеза к стене подобно тому, как в кабинете естественной истории приставляют к стене мумию, он вернулся к лампе и открыл бумажник.

Туссен наблюдал за всем через плечо своего приятеля.

Жан Торо насчитал двадцать банкнот.

Сердце Туссена готово было выпрыгнуть из груди.

– А это – настоящие ли банкноты, Туссен? – спросил плотник. – Ну-ка, прочти, ты ведь читать умеешь!

– Думаю, что это – самые что ни на есть настоящие банкноты! – сказал Туссен. – Я видел, как именно такие приносили менялам. Каждая из них – по пять тысяч франков.

– Двадцать раз по пять, или, точнее, пять раз по двадцать это будет... О! Все ровно, что и говорить!

– Значит, – сказал Туссен, – мы оставим его в живых и возьмем себе эти сто тысяч франков?

– Нет, сделаем как раз наоборот, – сказал Жан Торо, – мы вернем ему эти сто тысяч франков и утопим его.

– Так мы его все-таки утопим? – спросил Туссен.

– Да, – ответил Жан Торо.

– А ты уверен, что с нами не случится никакого несчастья? – вполголоса спросил угольщик.

– Это нас спасет, – сказал Бартелеми, засовывая бумажник в карман графа и застегивая его редингот. – Ну кто сможет подумать, что два таких оборванца, как мы, смогли бы утопить человека, оставив в его карманах сто тысяч франков?

– Тогда, – со вздохом произнес Туссен, – мне ясно одно.

– Что же?

– Бедными мы с тобой родились, дружище Жан, бедными и помрем.

– Аминь! – сказал Жан Торо, взваливая на плечи графа. – Открой дверь, Туссен!

Туссен открыл, но тут же вскрикнул и отступил на два шага назад.

На пороге двери стоял какой-то человек.

Человек вошел в хижину.

– А, – сказал Жан Торо, – это мсье Сальватор. Черт возьми! Как он не вовремя!

Глава XLII

В которой немного приоткрывается тайна жизни Сальватора

Сальватор спокойно посмотрел на двух, или скорее на трех обитателей хижины.

– Что здесь происходит? – спросил он.

– Ничего особенного, – сказал Жан Торо. – Просто я с вашего позволения пойду утоплю этого господина.

– Да, мы пойдем его топить, – подтвердил Туссен.

– Что же вас толкает на такую крайность? – изумленно спросил Сальватор.

– Он сначала попытался нас напоить...

– Затем подкупить.

– И что же дальше?

– А затем стал нас пугать.

– Пугать Жана Торо?.. Про Туссена Лувертюра я не говорю, но Жана Торо...

– Как видите! – сказал плотник. – Дайте же нам пройти, и через полчаса с ним будет покончено...

– Да чем же это он хотел тебя напугать, мой милый?

– Тем, что выдаст вас полиции, мсье Сальватор. Что велит вас арестовать и отправит на эшафот! И тогда я ему сказал: «Я вас раньше этого отправлю в Сену, рыб кормить!»...
Пожалуйста, мсье Сальватор, посторонитесь.

– Развяжи этого человека, Жан.

– Что? Развязать его?!

– Да.

– Да вы разве не слышали, что я только что сказал?

– Слышал.

– Я снова говорю вам, что он заявит на вас в полицию, добьется вашего ареста и отправит вас на гильотину...

– Да. А я тебе сказал в ответ: «Развяжи этого человека, Жан». И добавлю еще: дай нам переговорить с глазу на глаз.

– Мсье Сальватор! – умоляюще сказал Жан Торо.

– Успокойся, дружок, – продолжал молодой человек. – Господин граф Лоредан де Вальженез ничего не сможет мне сделать. А вот я, напротив...

– Вы – напротив?..

– Да, я могу сделать с ним все, что угодно. Я тебе в последний раз говорю: развяжи этого человека и дай нам возможность спокойно побеседовать.

– Ну, – сказал Жан Торо, – если вы на этом настаиваете...

И вопросительно посмотрел на Сальватора.

– Настаиваю! – повторил молодой человек.

– Тогда я подчиняюсь, – сдался Жан Торо.

И, развязав графу руки и вынув из его рта кляп, он вышел со своим приятелем Туссеном, предупредив Сальватора, а скорее всего господина де Вальженеза, что он будет за дверью и придет на помощь по первому зову.

Сальватор проследил за приятелями взглядом. Когда дверь за ними закрылась, он сказал графу де Вальженезу:

– Соболаговолите присесть, кузен. Поскольку я боюсь, что мы очень многое должны сказать друг другу и стоять вы устанете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.